

ЯНА БЕНДЕР

СОТЕРИЯ

16+

Яна Бендер Сотерия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41977631
SelfPub; 2019*

Аннотация

Каждый влюбленный безумен, но что может произойти с теми, кого разделяют белый халат и смирительная рубашка, не говоря уже о разнице в 14 лет? Он впускает её во вселенную, которая до сегодняшнего дня принадлежала только ему, а она, вместо благодарности, всем сердцем желает разрушить его несуществующий мир. Но кто из них выиграет эту игру? Или это уже не игра?

Содержание

Введение	4
28.07.2006 – пятница	6
29.07.2006 – суббота	45
30.07.2006 – воскресенье	48
31.07.2006 – понедельник	53
01.08.2006 – вторник	81
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Введение

Сотерия – альтернативный (антипсихиатрический) подход к острой шизофрении и расстройствам шизофренического спектра с задействованием преимущественно непрофессионального персонала и использованием низких дозировок психотропных препаратов, а часто и без их применения.

Сотерия натолкнула на вывод, что эта поддерживающая, защищающая, гуманная, сфокусированная на межличностных аспектах обстановка способна устранить или снизить необходимость применения антипсихотических препаратов в течение наиболее острого периода психоза. Результаты продемонстрировали, что люди, попавшие в сотерию и не получавшие медикаментозное лечение, выздоравливали гораздо чаще и быстрее.

Шизофрению пытались понять не как заболевание, требующее медицинского вмешательства, а, скорее, как важный аспект жизненного процесса человека. В таких инициативах особое значение придавалось скорее необходимости позволить людям пройти через их опыт психоза при минимальном вмешательстве и высокой доле поддержки, чем пользе лекарственных средств терапии.

На протяжении долгих десятилетий самые квалифицированные психологи и психиатры проводили различные экспе-

рименты, которые доказывали эффективность данного метода лечения. В результате проведенных испытаний были сформулированы стандарты оказания подобной помощи психически больным. В настоящее время существуют десятки клиник в Европе и Америке, специализирующихся на терапии, успешно проводящих лечение шизофрении и психозов в различных стадиях.

*Quandoque autem have efficio vabidus quae.
In mundo in quo nulla est logica et causa
in viam Tantum insanus.¹*

---

¹ (лат.) Иногда надо творить безумства. В мире, где нет логики и разума, лишь сумасшедший найдет правильный путь.

28.07.2006 – пятница

8.37.

Я забросила ключи от дома в сумку, убрала волосы в заколку, завела машину и выехала с парковки. День был солнечным. Пришлось опустить козырек, чтобы четко видеть дорогу. Какая-то старушка перебежала улицу в неподобающем месте. Хорошо, что я вовремя затормозила.

Я закончила медицинское училище с красным дипломом. Теперь же позади был второй курс института. Вчера мне позвонила мой куратор и сказала, что хочет предложить интересную практику. Я посетила университет. В аудитории находилось человек пять. Всех нас ждало распределение по каким-то клиникам. Куда я попаду – было неизвестно.

В помещение зашла Василиса (так мы называли нашего преподавателя – Кумарову Василису Владимировну), села за свой стол и разложила какие-то списки перед собой. Сначала она предложила терапевтическое отделение районной больницы. Туда решил отправиться мой однокурсник. Затем последовали хирургия, педиатрия, неврология и сердечно-сосудистый центр.

Последней она предложила частную психиатрическую клинику. К слову сказать, обычно студентам нравятся нестандартные практики, интересные случаи, но на этот раз

все начали отнекиваться, лишь бы только выбор не пал на них.

«Там есть один пациент, – рассказывала куратор нам, – его зовут Герман. Ему 36 лет. История довольно занимательная. С пятнадцати лет он перестал разговаривать, начал проявлять агрессию и отчуждаться от общества. Он ни с кем не контактирует и старается избегать общества».

Будущие врачи недовольно переглянулись, опасаясь, что кому-то из них придется лечить этого человека, но мне было скучно идти в другие отделения, и я решила себя развлечь, да и других избавить от ненужных хлопот. Почему-то мне показалось, что именно я смогу ему помочь, вероятно, свою роль сыграли молодые амбиции.

Помню, как мои коллеги облегченно вздохнули. Было приятно почувствовать себя героиней, но, в то же время, меня разжигал интерес и желание скорее окунуться в работу. Василиса дала мне контакты главного врача и адрес. Я позвонила ему. Он предложил мне приехать сегодня.

Я люблю учиться. Однако, меня нельзя назвать «заучкой». Я посвящаю свободное время музыке, чтению классической и романтической литературы, игре на фортепиано и гитаре. Да, это я тоже умею. Слушаю тяжелую музыку, но... В личной жизни дела не налаживаются, да я и не стремлюсь к этому.

Родители живут за городом. Два года назад они купили мне однокомнатную квартиру в центре, и теперь я обитаю на

своей жилой площади одна. Бывает, что ко мне заглядывает моя подруга – Женя, но чаще я просто остаюсь дома, смотрю фильмы или включаю песни.

Ничего особенного. С парнями никогда не встречалась, потому что, то ли воспитана так, то ли у самой такие убеждения, что должен быть один и на всю жизнь. Ну, да Бог с ним!

Согласно тестам, которые мы регулярно проходим на психологии, я – сангвиник, экстраверт. Да, у меня много знакомых, друзей. Я люблю общаться с людьми и вокруг меня всегда собираются шумные компании, однако, в последнее время я стала предпочитать тишину весёлым гуляниям.

Клиника, в которую я ехала, находилась в трех километрах от города. Это было серое двухэтажное здание, кованый забор, большая территория внутри ограды и лес. Кругом один только лес.

В саду высокий сутулый санитар выгуливал своего подопечного. Было жутковато, но интересно. Я припарковала машину, нажала на кнопку охраны и мне ответил мужской голос. Я представилась, сказала, что меня ожидает главный врач. Меня пропустили. Калитка, расположенная справа от ворот, противно скрипнула и распахнулась от одного моего прикосновения.

Холл был просторный. Из него шло несколько коридоров, а в центре расположилась массивная каменная лестница. Казалось, что раньше этот дом был чьей-то усадьбой или резиденцией. Справа от меня открылась дверь и появился тот

самый охранник.

«Вам наверх. Затем налево» – сухо сказал он мне.

8.53.

Я поднялась на второй этаж по лестнице. Последовала указаниям. Постучала. Меня пригласили внутрь. Я толкнула дверь и увидела пожилого мужчину, который сидел за столом и что-то писал.

– Я так понимаю, – заговорил он, спустив очки на нос, – Вы и есть та студентка медицинского?

– Да, – подтвердила я.

– Садитесь, – предложил он.

Я заняла место, указанное мне, положила сумку на колени и посмотрела на врача.

– Вы очень пунктуальны, – заметил он, – приехали к девяти, как и обещали. Ваш куратор сказала мне, что Вы – единственная из всего потока, кто согласился попробовать вылечить этого пациента.

– Мне бы хотелось побольше узнать о нем.

– Говорят, что Вы – лучшая на курсе. Какое направление думаете выбирать после института?

– Скорее всего, эндокринологию.

– Жаль, что не психиатрию.

– Я смотрю, что Вы ознакомились с моим делом, Николай Васильевич.

– Да, ознакомился. Так вот. Два года назад к нам посту-

пил мужчина тридцати четырех лет. Все клиники отказались его лечить, поскольку ни одна терапия не могла улучшить его состояние. В последнем заведении, из которого он перебрался к нам, его уже готовили к лоботомии. Пришлось спасать его от таких мер. Двадцать четыре месяца мы ведем с ним работу, но он не поддается ни одному лечению. Администрация города заявила, что, если в течение двух месяцев у него не появятся улучшения – они прекратят его спонсировать и, тогда придется прибегнуть к крайним мерам.

– Каков диагноз?

– Шизофрения.

– Позвольте посмотреть его дело?

– Конечно.

Главврач нажал на какую-то кнопку и попросил принести историю болезни Германа Верского.

«Красивая фамилия» – подумала я.

Через минуту в кабинете показалась девушка примерно моего возраста и подала доктору дело пациента. Он протянул его мне.

– Не хотите пообщаться с ним? – вдруг спросил он меня.

– Охотно.

Он предложил мне надеть халат, который можно взять у старшей медсестры, но я отказалась, сказав, что человек в белом халате будет отрицательно влиять на его психику. Я оставила сумку в его кабинете, поправила черную футболку и прошла к лестнице. Николай Васильевич проследовал за

мною.

– Позвольте мне зайти одной?

– Конечно. Он прикован к кровати ремнями. Думаю, что вреда он не причинит.

Меня слегка передернуло. Стало как-то жутковато. Ничего. Я поборола себя, подтянула джинсы и толкнула дверь. Санитар, сидевший возле неё, был уже предупрежден обо мне и, как только я появилась в палате, он вышел.

Я не посмотрела на пациента. Прошла от двери к противоположной стене, где было большое французское окно, ведущее в сад. В палате – две койки. На той, что стояла по центру под обычным окном, лежал Герман. Вторая была пуста и располагалась у стены с дверью.

Я почувствовала на себе его тяжелый взгляд. Боже, кто бы мог представить, сколько труда я приложила, чтобы не посмотреть в его сторону так сразу. Я сделала еще несколько шагов, отодвинула занавеску, посмотрела сквозь стекло. На улице было жарко, но в помещении, за счет толстых каменных стен и теневой стороны, казалось вполне комфортно. Я как-то неловко повернулась к нему, стремительно двинулась в сторону его кровати, встала, опершись на изножье и дерзко посмотрела ему прямо в глаза.

– Здравствуйте, Герман! Как поживаете?

Ответа не последовало. К тому же, почему он должен был быть?

– Меня зовут Яна. Теперь я – Ваш лечащий врач.

Он недовольно посмотрел на меня и закрыл глаза.

– Не спать! – зачем-то приказала я.

Он снова осмотрел меня. На его лице проскользнула усмешка. Мне показалось, что он считает меня совсем еще девчонкой. Что ж... Справимся и с этим!

– Вам поставили диагноз «шизофрения». Думаю, что его придется менять. Но Вам это неинтересно, поэтому не стану об этом говорить.

Он как-то подозрительно посмотрел на меня и отвернулся. Я была ему неинтересна. Ничего. И это поправимо.

– Не против, если я буду обращаться на «ты»?

Он даже не дернулся. Я подумала, что это неплохая идея и продолжала.

– У меня есть два месяца, чтобы сделать из тебя человека. Потом, если у меня не получится, из тебя сделают овощ. Выбор небольшой. Я отменю всю терапию, которую тебе проводили ранее. Согласен? Думаю, что да. Отныне никаких групповых занятий, а только индивидуальные. Я вернусь через час.

В какой-то момент я поняла, что веду себя крайне непрофессионально, нарушая все традиции психиатрии и способы лечения в ней.

Я слегка хлопнула дверью. За ней стоял главврач и санитар.

– Николай Васильевич, мне нужны его характеристики от предыдущих врачей, а также право отменять и назначать те-

рапию.

– Хорошо. Делайте, что хотите. Конечно, в пределах разумного.

Санитар, которого звали Ваней, сказал мне, что скоро наступит время прогулки. Он поинтересовался, не хочу ли я вывезти Германа. Я решила, что это прекрасная возможность пообщаться со своим подопечным.

Мой пациент был мужчиной в самом расцвете сил (почти как Карлсон, вот только вместо пропеллера – диагноз). Рост 186. Вес 84 кг. Короткая щетина. Темные волосы. Зелено-карие глаза. Внешность приятная, притягивающая. Вот только не было у него шизофрении, и я была в том уверена.

Нечто случилось с ним в 15 лет. Возможно, психологическая травма. Его могли обидеть. Над ним могли издеваться. Отсюда – агрессия. Вылечить её можно только теплом и заботой. В конце концов, я – девушка, кому, как не мне, проявлять добро и нежность?

Санитар показал мне мой кабинет, где, кроме стеллажа, стола и стула, ничего не было. Это была милая маленькая коморка с большим окном. Выбора не было.

– Вы не суеверны? – спросил меня парень, который привел сюда.

– Нет. А что?

– Здесь до Вас сидела врач, которая работала с Германом. Она покончила собой.

– Да, видимо, не по зубам орешек оказался.

– Вы думаете, что справитесь с ним?

– Видите ли, Иван, для нее это было работой. Она должна была его вылечить. Я же – практикант. Я обязана только попробовать. Я пойду с ним на прогулку через час. Приготовьте его, если несложно.

Он улыбнулся и вышел, оставив меня наедине со своими мыслями. Я достала из сумки справочник по психиатрии, который я одолжила в институтской библиотеке, нашла «онейроидный синдром». Результат меня более чем удовлетворил. Я оказалась права. Первоначальный диагноз был неверным. Вот только почему я вдруг подумала поменять его именно на этот? Интуиция? Или чья-то подсказка?

Чтобы начать лечение, нужно было узнать причину расстройства. Инфекция? Но как она может держаться более двадцати лет в организме? Значит, в пятнадцать лет с мальчиком случилось что-то, и теперь он не может избавиться от воспоминаний. Я снова пришла к выводу, который заключал травму в подростковом возрасте.

«Боже, какой у него уставший вид! Он измучился! – думала я. – Вот только от чего? От внешних страданий или внутренних?»

В кабинет зашла медсестра. Она дала мне стопку папок с выписками предыдущих врачей, а затем покинула меня.

Я раскрыла первый скоросшиватель и быстро посмотрела результаты обследований и характеристики на пациента. Во-первых, читать эту макулатуру было лень. Во-вторых, я

знала, что все, что здесь написано – лечение шизофрении, а теперь у него другой диагноз. Я лишь выбирала из каждой папки описание его поведения, поступков и состояния.

«12.03.2002. Пациент устроил погром в столовой. Началась драка между другими больными. Он сидел на коляске и ничего не делал, а потасовка только разгоралась».

«30.05.2002. Отказался от приёма пищи. Кинул в санитара тарелку с супом. При попытке усмирить сопротивлялся. Вкололи транквилизатор».

«23.10.2002. Набросился на медсестру, душил. Применен электрошок. Двое суток не приходил в сознание».

«13.01.2003. Перевернул коляску, ползал по полу, хватал санитаров за ноги».

«20.02.2003. Стонал ночью. Санитары посчитали, что от боли. На основе результатов анализов и под контролем терапевта проведён курс антибиотиков».

«17.06.2004. Вырвался от санитаров на прогулке. Ехал на коляске к воротам. Вовремя успели закрыть. Там шла разгрузка продуктов для пищеблока. Бился головой о прутья. Успокоен транквилизаторами».

Последний инцидент случился год назад.

«19.08.2005. Высвободился из ремней на кровати. Обмотал шею медсестры, которая проводила ему инъекцию. Душил. Применен электрошок. Сутки не приходил в сознание. Прошёл курс транквилизаторов».

Я была в ужасе. Тогда ещё, будучи наивной девочкой, я

верила в то, что в людях может остаться хоть что-то святое, но методы купирования приступов разочаровывали меня в этом.

«Пациенты – тоже люди! Почему с ними обращаются, как с животными! Даже хуже!» – моему возмущению не было предела.

И все врачи, который когда-либо лечили его, писали, что он не подходит не под один диагноз. Вот только я ни разу не встретила сочетание в его истории «шизофренический делирий» или «онейроидный синдром».

Я достала свой блокнот, записала диагноз, примерное лечение, состояние пациента на данный момент и посмотрела на время. С момента посещения больного прошло 57 минут. Я обещала прийти через час. Я встала из-за стола, взяла блокнот, ручку и вышла из кабинета.

*I try to slip away, you wanna make me stay
Don't try to hold me back 'cause I would break your neck
Don't try to make a light, don't even come inside
You won't like what you'll see, untangle you from me.²*

Герман сидел на кресле-каталке возле окна и смотрел на улицу. Иван стоял рядом и о чем-то ему рассказывал. Я слег-

---

² Oomph! – Down in This Hole (англ. В этой пустоте) – альбом “ Wunschkind” 1996 года(нем.) «Я пытаюсь убежать, но ты заставляешь меня остаться. Не пробуй меня удержать, потому что я могу сломать тебе шею. Не пытайся понять суть этих моих поступков – тебе не понравится то, что ты увидишь, забудь обо мне!»

ка прислушалась, едва открыв дверь.

«Не понравилась тебе эта девушка? – понимающе говорил санитар. – А мне кажется, что она очень добрая. По крайней мере не станет тебя кормить таблетками и колоть транквилизаторы. Может начнешь разговаривать, жить по-человечески...»

Я зашла внутрь. Пациента повернули ко мне. Я попросила Ваню помочь мне выкатить его на улицу, а затем оставить нас.

Через несколько минут мы вывезли его в сад. Санитар скрылся в холле больницы, а я, сев на лавочку напротив Германа, взяла его за руку и посмотрела в его глаза.

В них было что-то неземное: космос, млечный путь или сотни чужих вселенных. В них был весь мир и душа только одного человека. Он смотрел на меня более внимательно, чем я на него. На секунду мои мысли разлетелись, словно осколки и рассыпались по каменной дорожке, ведущей к крыльцу клиники. Я застыла и бездумно смотрела в его глаза. Он слегка дернул рукой, чтобы, как мне показалось, вернуть меня в сознание, я опомнилась и начала беседу с ним.

– Герман, ты давно уже находишься в этой клинике. Никто не знает, что с тобой происходит. Но я, кажется, догадалась.

Он вопросительно посмотрел на меня, недоверчиво прищурился, но потом откинулся на спинку кресла и продолжил наблюдать за моими эмоциями. Его рука по-прежнему была в моих. Казалось, он не замечал этого. Кто бы мог подумать

тогда – во что это превратится?

– Тебе снятся сны? – спросила я и увидела, как его зрачки расширились. Я оказалась права.

Он повёл головой и снова принялся меня разглядывать.

– Что это за сны?

Он ехидно усмехнулся. Я не смогла понять того, о чем он думал.

– Кошмары? Мистика? – я пыталась выяснить, что же его беспокоит.

Он вырвал свою руку из моих, провёл указательным пальцем по своему колену и стукнул один раз по подлокотнику.

– Кошмары, – заключила я.

Он стукнул ещё два раза.

– И мистика?

Он заулыбался, но это было больше похоже на издевательство надо мной.

Он пристально рассматривал мотоцикл, изображённый на моей футболке, опустил взгляд на руки, согнутые в локтях и сложенные на коленях в замок, затем его внимание привлекли синие джинсы, после он спустился на ботинки и отвернулся от меня. Он изучил меня. Ему было этого достаточно, поскольку он сразу потерял интерес.

– Ты не хочешь со мной разговаривать? – сочувственно спросила я.

Он не поворачивался.

Тогда я думала, как бы завоевать его внимание. В голо-

ву приходили бредовые идеи – что-то вроде, сжечь сад, перевернуть скамью, пнуть санитара... Я не могла понять, что ему было нужно. Ему была необходима любовь. Кто бы мог подумать?!

– Что ж... – решила закончить разговор я, – нам пора возвращаться.

Я встала со скамьи, сделала шаг, чтобы зайти к нему за спину и, взявшись за ручки кресла, отвести его обратно в палату, но он схватил меня за запястье. Его пальцы сжали мою кожу. Мне не было больно, скорее страшно. Все, что я прочитала в его истории меня настораживало.

Он потянул меня к себе. Я попыталась высвободиться, но силы были неравны. Мне пришлось снова сесть на лавку перед ним и посмотреть в его глаза. Он внимательно наблюдал за моими движениями, словно изучал со всех сторон. Мы оба узнавали друг друга с нуля.

Герман на секунду отпустил меня, но через мгновение зажал в свою ладонь мою. Стало тепло и спокойно. Это был более дружеский жест, нежели агрессивный. Я свободно вдохнула. Он, кажется, это заметил и улыбнулся.

Вся эта игра эмоций, взглядов сильно утомляла меня. Было смешно, но в то же время невыносимо грустно. Он был в тюрьме. Целая вселенная была прикована к креслу-каталке ремнями. В нем таился весь мир, пусть даже и тот, который он сам придумал. И теперь я оказалась лицом к лицу с космосом. Вот, что значило для меня это знакомство.

Мне почему-то захотелось стать его самым лучшим и, наверное, единственным другом. Захотелось рассказать ему всё, что меня тревожило, что было важно для меня. Я внезапно поняла, что этот человек – прекрасный слушатель. Он никогда не выдаст твоих тайн, поскольку не сможет никому о них сказать. Я старалась прогнать прочь все эти мысли, но его внимательный взгляд заставлял меня снова принимать их в своё сознание.

Мне с ним стало вдруг беззаботно спокойно. Так мне не было уже давно. Лет с семи, когда я сидела с мамой на качелях, а она, обняв меня за плечи и, укутав пледом, рассказывала сказку.

Он следил за моими мыслями. Он читал их. Он, казалось, сам был их источником, но я не могла в это поверить, поскольку это было невозможно, как я думала тогда.

Теперь я вызвала у него интерес, но ни как равная ему, а как его жертва, которую он окутал паутиной, дурманом и ждёт, когда она в конец сойдёт с ума и займёт его место.

Возможно, что все это являлось лишь плодом моего воображения и изувеченной фантазии. Может быть, он так внимательно меня рассматривал лишь потому, что я сильно отличалась от привычного его окружения.

Я была девушкой двадцати двух лет. Белого халата на мне не было, напротив, контрастно с врачами и санитарями я носила чёрную футболку. Уж на стену, окружавших его, я точно не была похожа. Я не проявляла к нему агрессии и,

возможно, его нужно было расценивать, как обычного человека, у которого просто «поехала крыша». Однако, я себе нафантазировала нечто невообразимое, чему поверить было бы безумством.

Все же, я верила.

Меня очень интересовало содержание его снов. Я несколько раз попросила его хотя бы намекнуть, но он только улыбался и поднимал брови от удивления, что меня так привлекает этот безумный сценарий.

Прошло неизвестно сколько времени, вот только пришёл Ваня и сказал, что пора заканчивать прогулку. Я неохотно покинула своего подопечного и ушла в свой кабинет.

11.23.

Я села в кресло, положила ноги на стол и, взяв со стола папку с предыдущими назначениями, начала перелистывать страницы.

Врачи, которые когда-либо вели моего пациента, в одну строчку писали, что он не поддаётся терапевтическому лечению и придётся использовать хирургические методы. Я была в корне не согласна. Он был здоров, но онейродный синдром не требовал таких операции, и я могла, не опасаясь за его здоровье, смело писать этот диагноз в его истории.

Препаратов больше не будет. Только индивидуальные занятия. Я это твёрдо решила для себя.

Классическая музыка, поэзия, литература... Он сможет

адаптироваться в этом мире и, как бы не было мне жаль, ему придётся убить вселенную в себе.

В лист назначений я ничего не записала. Я не подпущу к нему больше ни одну медсестру со шприцом. Это его выводит из себя и, как я уже поняла, вызывает приступ агрессии.

Халат я решила не надевать при общении с ним. Это, как я думала, располагает его ко мне. По крайней мере, он не видит во мне тех, кто пытал его вот уже более двадцати лет.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Мне ужасно хотелось спать, но я не могла позволить себе такой слабости. Я должна была перебрать все назначения, которые ему делали на протяжении всех этих долгих лет.

В тетрадке, которую я приспособила под его новую историю болезни, я записала несколько цитат из стационарных дневников предыдущих клиник. В справочнике нашла несколько советов по общению с психически больными. Все эти слова мне наскучили, и я решила вернуться в палату к Герману.

11.44.

Ваня стоял в коридоре возле кофейного аппарата и усердно толкал в него монеты.

– Вы оставили его одного? – спросила я, подходя к санитару.

– Он никуда не убежит! – засмеялся парень. – Давай на «ты», а то я чувствую себя стариком.

– Хорошо.

– Кофе будешь?

– Нет, спасибо. Могу я с ним пообщаться?

– Да, конечно. Ты же теперь его лечащий врач.

Я открыла дверь и, не смотря на пациента, подошла к пустой койке. Она была на колесиках, и я вплотную подкатила её к той кровати, на которой лежал Герман. Я не знала – зачем я устраивают этот спектакль. Мне просто было весело и интересно.

Когда нас водили в обычную психиатрическую больницу на практику, мне стало скучно уже через несколько минут пребывания в ней. Зелёные ободранные стены с отвалившейся краской, заплесневелый потолок, ржавые низкие койки, пациенты в серых растянутых пижамах, прогнивший деревянный пол... Все это нагоняло на меня тоску и апатию.

Здесь же все было чисто, светло, просторно. Белые стены, высокие кровати (хотя откуда мне было знать, если я не видела общих палат здесь, а только палату Германа), высокие потолки, большие окна, светлый пол, белые пижамы у некоторых пациентов – у других халаты или же цветные костюмы, простор, загородный воздух... Это был совсем другой мир. Усадьба, которая сменила своё назначение и стала клиникой.

Так вот, я села на пустую кровать, сняла ботинки, и разместилась рядом с Германом, отделившись только небольшой щелью между койками. Я лежала на спине, заложив руки за

голову и смотрела в потолок, ровно так же, как и он.

Время тянулось долго. Я слышала шаги санитаров и рядовых пациентов за дверью, пение птиц в саду за слегка приоткрытым французским окном слева от меня, голоса родственников больных, которые пришли навестить своих близких, попавших в эту клинику.

Лечение других пациентов здесь оплачивали те, кто привезли сюда этих людей: братья, сёстры, тети, дяди, родители, дети, друзья. Однако, содержание Германа оплачивало государство. Почему? Этого я не скажу, поскольку сама до сих пор (спустя двенадцать лет) так этого и не узнала.

Он дышал ровно, пульс был в норме. Я прислушивалась к каждому его движению, которого, как мне казалось, не было. Он словно умер.

«И как человек не устаёт столько времени лежать в одном и том же положении?» – думала я.

Мне захотелось спать. Я тихонько зевнула, прикрыв рот правой рукой, и снова заняла исходное положение.

Ждать, когда он решит спросить у меня что-то – было бесполезно. Его голосовые связки атрофировались, ровно так же, как и мышцы, и теперь, чтобы восстановить его голос потребовалось бы несколько месяцев. Наверное, он и не хотел разговаривать со мной.

«Что за игры я тут устроила? – вертелось у меня в голове. – Препарирую психику живого человека. От того, каковы будут мои действия, может зависеть его жизнь, а я отношусь

к этому так легкомысленно! Что за безрассудство?!»

Я услышала лёгкий шелест подушки и повернула голову в его сторону. Два зелено-карих глаза смотрели в упор на меня. Я улыбнулась (сама не знаю зачем) и принялась разглядывать его лицо, которое было сантиметрах в сорока от меня. В сердце что-то сжалось. Мне показалось, что в его взгляде вспыхнул вопрос «Зачем ты меня мучаешь?». Я не смогла бы дать ему ответ, если бы он произнёс это вслух, но, слава Богу, он не разговаривал.

Тишина нависла над нами, и мы просто смотрели друг другу в глаза. В животе у меня что-то заурчало. Я не завтракала, а из коридора доносился дурманящий запах кофе.

«Съездить бы сейчас в магазин, – думала я. – Куплю себе Ролтон или Доширак – какая-никакая, а все-таки, еда».

Герман улыбнулся и, отвернувшись от меня, снова впился глазами в потолок. Я проследила за его взглядом, но ничего интересного наверху не увидела.

В палату зашёл Ваня. Сообщил, что в половину первого будет обед. Я недовольно посмотрела на него и снова откинулась на подушку. Зачем он напоминает мне о еде?

12.24.

В большую столовую я прошла позади санитаря, который вез моего пациента. Здесь уже сидели другие больные за столами, расставленными в ряды.

– Обедать будешь? – спросил у меня Ваня.

Я согласилась. За небольшой перегородкой разместились сотрудники. Здесь сидели несколько медсестер и санитаров. Один из них взял поднос, отнес в кухню и прошел в общую столовую для пациентов. Ваня передал Германа ему, а сам указал мне на повариху, стоявшую позади длинной витрины, под которой находились котлы и поддоны.

– Что сегодня для персонала? – спросил мой спутник у полной женщины в синем фартуке.

– Картошка – пюре и куриные котлеты, – улыбнувшись, ответила она.

– А на «первое»?

– Борщ с капустой.

– А что едят пациенты? – поинтересовалась я у поварихи.

– Что придется! – засмеялась она.

– Сегодня, например, что?

– Гречневая каша и рыбное рагу. На «первое» – суп с лапшой.

Она открыла чан с какой-то непонятной коричневой жижей, чем, по-видимому, являлась гречка, а на противне она указала мне на бесформенный рыбный фарш.

Я сморщилась и отвернулась. Все это вызывало омерзение и тошноту.

Она подала нам тарелки с борщом и «вторым» блюдом. На вид наш обед был достаточно приятен. Я мельком выглянула в общий зал и увидела, как санитар, которого звали Андреем, пытается накормить Германа. Пациент, казалось, не

реагировал на попытки сотрудника «всунуть» в него ложку.

Ваня сел рядом со мной. Мы пообедали. Я отнесла тарелки на подносе в кухню и вышла в общий зал.

Я подошла к Герману и Андрею. Санитар пожаловался мне на поведение моего подопечного. Я подкатила больного ближе к столу и села достаточно близко к нему через угол.

Он с какой-то неподдельной тоской посмотрел на меня. Я взяла тарелку у Андрея, ложку, зачерпнула немного супа и поднесла к губам пациента. Он широко распахнул глаза, усмехнулся и впился в меня взглядом, словно позволял мне подумать, что я способна его укротить, затем открыл рот.

От «второго» он отказался. Я подумала, что для начала неплохо, и сама отвезла его в палату, где Ваня и Андрей разместили его на кровати, пристегнули ремнями. Наступил тихий час.

13.05.

Меня тоже клонило в сон. В кабинете спать было негде. Коридоры опустели. Все пациенты разбрелись по своим палатам: кто-то тихо читал книгу, кто-то играл в карты, кто-то спал.

Санитары ушли в свою комнату, на двери которой было написано «Для персонала». Там стояли диваны, и работники смотрели телевизор. Меня позвали с собой, но я отказалась.

Герман уснул. Мои глаза закрывались по собственной воле, и я не смогла противостоять ей.

Я легла на койку, которую кто-то, за время моего отсутствия, отодвинул, пускай не на законное место, а на метр, образовав небольшое пространство между двумя кроватями. Сон скосил меня через пару минут. Я свернулась «калачиком», поджав ноги к животу, и в «позе эмбриона», отправилась в путешествие по сновидениям.

Сначала мне приснился какой-то город, что был чрезвычайно похож на наш. Я долго бродила по нему и что-то искала. Что именно – я не могу сказать. Потом наступил мрак. Сон прервался, и за ним последовал второй, хотя я не очень уверена, что это был сон.

Здесь я стояла в какой-то комнате перед старинным зеркалом. Все вокруг меня было черно-белым. Нет, предметы должны были иметь цвет, но я его не различала, словно смотрела очень старое кино. Только мое отражение в зеркале пылало красками. На мне было серое платье длиною до колена и короткими рукавами со сборками. На юбке были нарисованы бледно-розовые цветы. Волосы были короткими, такие они были у меня года четыре назад. На руке сверкал браслет, а на шее крестик, который я обычно ношу под одеждой. Казалось, что я совсем еще девочка, будто мне лет пятнадцать, а не двадцать два.

Я сделала шаг вперед и оказалась, словно в «зазеркалье». Хочу отметить, что ни книгу про Алису в стране чудес, ни экранизации этого произведения я не встречала достаточно долго. Просто так этот сюжет в моем сознании возникнуть

не мог.

Я оказалась в саду: сзади меня была огромная серая каменная лестница, которые бывают только в замках. Вдалеке перед собой на фоне черного леса и темного, мрачной травы, высоко над которыми нависли тучи, я увидела большой раскидистый дуб с ветками натурального цвета древесины и зеленой листвой.

Под ним в ярких солнечных лучах, падавших исключительно на этот участок сада, стояла деревянная ветхая скамья, а в радиусе метра вокруг нее переливался сочными красками газон.

Я быстрыми шагами приблизилась к этому, будто чужому, но чрезвычайно родному, мирку, села на скамью и начала петь детскую песенку, болтая ногами, не достававшими до земли.

Через несколько мгновений я увидела мужчину в алом сюртуке. Он сел рядом со мной. Вокруг нас была просторная солнечная поляна. Усадьба, из которой я пришла сюда, пылала светлыми, теплыми тонами, но стоило отойти от дерева на несколько метров, можно было снова оказаться в бесцветном, унылом, мрачном месте.

Мужчина повернулся ко мне, и я узнала в нем Германа. Да, это был мой пациент.

– Расскажешь мне, – заговорил он, – как там, в вашем пустом мире?

– Объясни мне сначала кое-что, – попросила я.

– Спрашивай, – отвечал покровительственно он, топя меня в своем глубоком, бархатном баритоне.

– Почему я такая маленькая? Я ведь намного старше на самом деле.

– Такова твоя душа. Ты еще достаточно невинна, чтобы быть во сне того возраста, какой ты имеешь в реальности.

– Почему весь мир черно-белый, а здесь все цветное?

– Цветной мир – это то, что создал я. Я пригласил тебя к себе в гости. Черно-белый – это ваш – реальный мир. Ты пришла сейчас из него.

– Так, значит, ты живешь во сне?

– Нет. Я живу в другой реальности, потому что та, к которой привыкла ты – жестока ко мне. Я же могу создать собственный мир, в котором нет ни насилия, ни зла.

– Что ты думаешь обо мне?

– Что ты слишком много уделяешь мне внимания.

– Разве тебя это раздражает?

– Ни сколько! Ты – единственный человек в черно-белой реальности, который так добр ко мне.

– Что тебя мучает?

– Ох, девочка, ты никогда не узнаешь, как пылает мой ад, и в чем нуждается мое сердце... Ты не сможешь понять, от чего я замерзаю или, что заставляет меня дышать...

– Позволь мне хоть немного больше... – я просила, почти молила его о том, что еще сама не до конца осознавала.

– Со временем... ты всё поймёшь, но тогда, боюсь, сама

откажешься от меня.

– И что ты прикажешь с тобой делать?

– Ты была права, когда отменила мои групповые занятия. Я терпеть не могу этих идиотов! Просто будь чаще со мной. Сегодня в моей душе что-то треснуло, но что именно – я не знаю. Ты должна доказать мне, что черно-белый мир лучше моего «цветного» и, тогда мы вместе с тобою раскрасим привычную для тебя и остальных реальность в яркие тона!

– Так я должна продолжать твоё псевдолечение?

– Я хочу тебя видеть в том мире. Как ты поняла из этого сна – ты единственный человек в реальности, который, для меня, обладает цветом.

– Я сделаю всё, чтобы вытащить тебя из твоего состояния.

– О каком состоянии ты говоришь?

– Ты...здесь...заперт. Я помогу выбраться тебе наружу, понять все преимущества реальности...

– Знаешь, – он опустил на пол октавы ниже и его тембр стал глубже, – не могу поверить, что ты по-прежнему хочешь остаться, потому что теперь я знаю, что испоганю тебе жизнь. Лучше оставь меня, ведь я могу причинить тебе боль.

– Я останусь, с твоего позволения, и постараюсь защитить тебя от жестокости врачей...

– Спасибо тебе, – он ласково улыбнулся, но для меня это было как-то чуждо, привыкнуть к его эмоциям мне еще только предстояло в будущем.

– Я могу идти? – решила закончить я нашу странную бе-

седу.

– Можешь. Приходи сюда, когда у тебя появятся вопросы или, если ты устанешь от черно-белой действительности.

Я встала со скамьи, пошла по направлению к усадьбе, затем обернулась и снова увидела бесцветный мир в контрасте с его – цветным.

14.47.

Я проснулась и посмотрела вокруг. Палата была пуста, но в паре метрах от меня спал Герман.

«Интересно, – подумала я, – этот сон мы видели оба или только у меня такие странные представления об онейроидном синдроме?»

Я спустила ноги на пол, сунула их в ботинки, застегнула молнии. Расправив футболку, я встала с кровати и подошла к своему подопечному. Он улыбался во сне.

«Что же ему снится?» – возник вопрос в моей голове.

Часы показывали «без десяти три». Я, сонно потянувшись, вышла в коридор и посмотрела по сторонам. Здесь не было ни души.

«Действительно, – прошептала я, – черно-белая реальность».

Я пошла в каком-то направлении, наткнулась на дверцу с буквой «Ж», зашла внутрь, умылась и вытерла лицо и руки бумажными полотенцами. Окно в этом помещении было открыто и веяло прохладой.

Я снова вышла в коридор и минут десять бездумно скиталась по клинике, пока не нашла комнату «Для персонала». Постучав, я открыла дверь и прошла внутрь.

– Ох! Мы думали, что это Филин! – воскликнул один из санитаров.

Ваня подвинулся к краю дивана, уступая мне место посередине, между ним и Валерой.

– А кто такой «Филин»? – поинтересовалась я, садясь между коллегами.

– Филин? Ты, серьезно, не знаешь? – засмеялся веселый блондин, сидевший на подоконнике, куря в открытую форточку. – Это наш главврач. Он кажется очень умным, но на самом деле всех пациентов кормит сульпридом и в ус не дует.

– Он и Германа им «кормил»?

– Было время! – ответил мне Ваня.

– Ему же нельзя этот препарат! Основным противопоказанием является агрессивное поведение!

– А ты ему это скажи! Он, наверное, хотел, чтобы этот псих поубивал тут всех нас! – подхватил Валерик.

– Он не псих! – возразила я.

– По всем признакам – псих!

– Ну, – усмехнулась я, – назови, по каким!

– Я не медик! Но то, что он кидается на людей – уже о чем-то говорит!

– Это говорит о том, что и абсолютно здоровый психически человек, попав в психушку, стал бы агрессивным!

– Тебе виднее. По крайней мере, из нас двоих – только у тебя есть диплом медсестры и два курса института за плечами.

– Вот именно, – подтвердила я и встала с дивана. – Пойду я, а то накурено тут у вас.

Я вышла из комнаты и перевела дух.

«Он не псих!» – вертелось в голове.

Как я могла доказать обратное? Только вылечив его от всего. Но как? Ответ сам вдруг всплыл в мыслях. Он сам сказал мне во сне, что мне нужно делать.

15.08.

В моем кабинете было тихо и пусто. Я открыла окно, обхватила пальцами металлические прутья, словно мне ужасно не хватало воздуха, и прислонилась лбом к решетке, которая ограждала обитателей этого заведения от прыжков со второго этажа.

Через несколько секунд, отойдя от своего странного состояния, я достала историю болезни своего подопечного и перелистала еще раз.

В дверь постучали. Я попросила войти, и на пороге показался Ваня. На вид ему было лет двадцать пять. Высокий, сильный, симпатичный... Темные волосы, гладковыбритые щеки, голубые глаза. Все бы ничего. Но он был совсем мальчишкой, несмотря на то, что был немного старше меня.

Мне всегда нравились мужчины: чтобы разница в нашем

возрасте лет десять, мужественный, взрослый, ответственный. Всегда хотела, чтобы относился ко мне, как к ребенку и заботился обо мне, а я дурачилась и заставляла бы его тем самым улыбаться...

Я предложила санитару сесть. Он занял место у стола напротив меня и смущенно улыбнулся.

– Ты по поводу Германа? – спросила я.

– Нет. Не совсем.

– Что же тогда?

– Видишь ли, завтра – суббота...

– И?

– Обычно с Германом на выходные остается Валера, и я освобождаюсь...

– Так, давай сразу к теме.

– Может, сходим с тобой завтра куда-нибудь?

Я потеряла дар речи. По правде говоря, я не хотела никуда с ним идти. Я вообще никуда не хотела идти, и это даже не зависело от моего спутника. В моих планах на выходные было – зарыться в плед, поскольку метеорологи обещали холода посреди лета, и литрами пить горячий чай с лимоном и медом, смотря «Титаник» или еще какую-нибудь любовную ересь.

Еще больше я не хотела обидеть Ваню, который, по-видимому, совсем отчаялся в поисках девушки, являясь санитаром психиатрической клиники.

Что делать – я не знала. Пришлось импровизировать на

ходу.

– Ваня, понимаешь, я хотела в эти выходные поехать к родителям...

– Да, конечно... Извини, что потратил твое время.

– Послушай, – остановила я его, когда он собирался покинуть кабинет, – моя однокурсница этим летом очень грустит. Ей не мешало бы развеяться. Давай я позвоню ей сейчас и, если она согласится, я дам тебе ее координаты.

Он радостно заулыбался и оставил меня одну.

«Да...совсем затосковал парень».

Я нашла в телефоне номер Насти Макеевой и позвонила ей. Она тогда обиделась на очередного парня, в которого была влюблена, но не получала в ответ ничего. Теперь она искала новую жертву, которую могла бы любить и страдать

Когда я ей предложила прогуляться с Ваней, она сразу же согласилась (в этом я не сомневалась). Я записала на бумажке ее номер, имя и отложила в сторону, подумав, что потом отдам этот листок санитару.

Настя не отличалась особым интеллектом, поэтому жених – санитар в психбольнице ее нисколько бы не смутил. За ее глупости, которые она иногда «выдавала», группа прозвала ее «Зиной», вот только сама она об этом не догадывалась и, когда ее спрашивали: «Насть, скажи, что Зина – тупая», она кивала и всецело поддерживала общее мнение.

После недолгих раздумий я приступила к очередному знакомству с историей болезни Германа. Поймав себя на мысли, что мне это не нужно, поскольку все, что было написано до моего появления – неверно и бесполезно, я захлопнула все папки и открыла его новую тетрадь. Я решила назначить ему обычные седативные средства, чтобы они уменьшили его тревожность и агрессию, а также витамины группы В для поддержания иммунитета и снятия стресса. В конце концов, такие «легкие» препараты еще никому не вредили: ни здоровым, ни больным.

Закрыв историю болезни, я взяла листок с номером Насти, свой телефон, блокнот и ручку.

В палате №8, где лежал мой подопечный, находился Ваня. Я отдала ему бумажку, сказала пару слов о своей однокурснице и отправилась в кабинет главврача.

Он стоял возле стеллажа и перебирал стопку папок.

Я постучала и, когда он меня пригласил, вошла внутрь. Он указал мне на стул. Я села.

– Как обстоят дела? – поинтересовался он.

– Для первого дня, очень даже хорошо, – ответила я. – Контакт с пациентом налажен. Агрессию в мой адрес он не проявляет.

– Значит, Вас все устраивает?

– Более чем.

– Значит, будете приходить сюда с понедельника по пятницу к девяти утра, а уходить в шесть. Питание за счет кли-

ники, как сотрудника. Характеристика развернутого типа в личное дело для Вашего института.

– Благодарю. Можно вопрос?

– Спрашивайте.

– Почему Вы решились на такой эксперимент, где в роли врача предстает студентка?

– Вы не представляете, как мы все устали от Вашего пациента. Избавьте нас от него. Конечно, желательно, с положительным исходом. Кстати, что Вы решили с диагнозом и лечением?

– Все-таки я больше склоняюсь к онейроидному синдрому, но пока специфическое лечение назначать не стала. Проведу профилактическую терапию.

– Без транквилизаторов?

– Я решила отказаться от них.

– Смело. Не бойтесь «синдрома отмены»?

– Нет. Я ознакомилась с препаратами, которые ему назначали. При отказе от них – его не бывает.

– Я бы Вам уже дал диплом врача.

– Со справочной литературой все мы – врачи.

– В любом случае, Вы – его последняя надежда.

– Николай Васильевич, а что с ним будет, если у меня не получится?

– Сначала электросудорожная терапия...

– А если не поможет?

– Давайте будем надеяться, что у Вас все получится.

Я улыбнулась и вышла из кабинета. Комок подступил к горлу, я спустилась на первый этаж, встала под лестницей, бросив блокнот и ручку на пол и, сунув телефон в карман, зажала рот рукой и сползла по стене. Я плакала. Я! Сангвиник! Экстраверт! Плакала!

Я не могла себе представить, что мне делать с Германом, как его лечить. Я должна была казаться сильной, но я сломалась в первый же день. Причиной этому был не пациент, а я сама.

Перевоспитать кого бы то ни было – невозможно, а вылечить от психического заболевания – еще труднее.

Я слышала шаги Вани по коридору, когда он вышел из палаты. Я тихо с заплаканными глазами прокралась в комнату №8. Мой подопечный внимательно следил за каждым моим движением.

Я села на край его кровати и взяла в ладони его пальцы. Он слегка вздрогнул и снова посмотрел на меня.

– Можно задать тебе вопрос? – спросила, всхлипывая и вытирая слезу с щеки, я.

Он улыбнулся мне в ответ.

– Конечно, – продолжала я, – он может показаться тебе глупым... Ты ведь в курсе, что мне снилось сегодня днем?

Герман снова улыбнулся, а потом подозрительно прищурился.

– Не смотри на меня так. Я действительно хочу тебе помочь. Вот, только, не знаю, как. Тебя все пытались затравить

лекарствами и это не помогало. Я не хочу причинять тебе вред...

Я замолчала, посмотрела на него, отвернулась и заплакала. Он сжал мою ладонь, и я почувствовала слабую боль. В сердце что-то замерло и защемило. Я испугалась, но потом, взглянув в его глаза, я поняла, что он пытается меня поддержать. От него веяло добром и свежестью. В этот момент я не могла бы себе представить, что этот человек когда-то душил медсестру, проявлял агрессию к окружающим. Мне вдруг стало так спокойно, что я вовсе забыла о времени.

– Спасибо за понимание... – улыбнулась я и попыталась встать с кровати.

Он сжал чуть сильнее мою ладонь, и я поняла, что вырваться из этих цепких лап будет непросто

– Ты не хочешь, чтобы я уходила? – спросила у него я.

Он улыбнулся в ответ и тоскливо посмотрел на меня. Его взгляд пробрал меня до костей. Он, казалось, видит всю мою душу. Впрочем, он ее видел в нашем общем сне.

– Ты ведь не причинишь мне зла? – почему-то выдала я.

Он отрицательно покачал головой. Как я узнала потом (от него самого) это был первый раз за последние двадцать лет, когда он ответил на чей-то вопрос.

В коридоре раздались шаги. Они приближались к двери и остановились возле нее. В палате показался Ваня. Он в ужасе взглянул на меня и Германа.

– Яна, ты слишком рискуешь! – заметил он.

– Нет, – ответила я и, свободно подняв руку, встала с кровати.

– В шесть будет ужин. Пойдешь?

– Ради него? – я посмотрела на пациента. – Пойду.

Ужинать здесь я не собиралась. Дома меня ждал в холодильнике обезжиренный йогурт. Я хотела накормить Германа, отвезти его в палату и закончить на этом свой первый рабочий день.

Ваня пожал плечами и вышел из палаты, оставив меня наедине с моим подопечным. Я снова села на край кровати.

– Ты во сне сказал, что, если у меня появятся вопросы, то я снова могу прийти в твой мир.

Он улыбнулся мне и раскрыл свою теплую ладонь. Я дала ему свою руку, и он, зажмурив глаза, стал прощупывать каждую косточку запястья, затем пястья, а после – фаланги пальцев.

В этот момент я поняла, чего ему не хватает. Он хотел тепла. Простого человеческого тепла. В своем мире он мог создать многое, но тепло, передающееся от тела к телу – этого вообразить он не мог.

17.29.

Я поднялась в свой кабинет и начала собираться домой. Я засунула в сумку стационарные дневники по его поведению, свой блокнот, справочник и телефон.

Минут через пятнадцать за мной зашел Ваня, и мы вместе

спустились в столовую, где в кресле-каталке сидел Герман. Я подошла к нему и разместилась рядом. Санитар принес мне поднос с ужином для пациента.

На тарелке была картошка-пюре и тушеный фарш, не имевший формы. В стакане – лиловая жидкость, по-видимому, морс. Гарнир казался слишком жидким. В кухне, определенно, добавляли воду, чтобы меньше чистить картошки. Я попросила Ваню принести пустую тарелку. Он выполнил мою просьбу.

Я, придерживая всю массу пюре ложкой, слила воду в чистую посуду.

– Отстегни ему руку! – обратилась я к санитару.

Он достал из кармана ключ и расстегнул ремень на правом запястье Германа

Я подала своему подопечному ложку, и он самостоятельно, хоть и с презрением к еде, начал ужинать.

– Ты можешь идти, – сказала я Ване, и он, положив на стол ключ, удалился.

– Давай договоримся, – предложила я пациенту, – если ты ничего не натворишь за эти два дня, то в понедельник я привезу тебе что-нибудь вкусное.

Он внимательно осмотрел меня, словно убеждаясь в том, что я не шучу, и улыбнулся.

Морс он тоже выпил самостоятельно. После ужина я пристегнула его обратно, отнесла поднос в кухню и повезла его вместе с Валерой и Андреем в палату. Они переложили его,

зафиксировали и ушли ужинать.

18.19.

Попрощавшись с Германом, я поднялась в свой кабинет, взяла сумку, спустилась на первый этаж и зашла в столовую, где ужинали санитары.

– Ребят, я вас очень прошу, – обратилась я к ним, – постарайтесь обойтись без крайних мер.

Они пообещали мне, что приложат к этому все усилия. Я, можно сказать, с трудом поверила, отдала ключ от кабинета охраннику, расписалась в журнале и вышла на улицу.

18.42.

В это время я уже была дома. Сначала я отправилась в душ, чтобы смыть с себя весь ужас уходящего дня, затем покопалась в холодильнике, нашла тот самый обезжиренный йогурт, съела его, посмотрела телевизор.

20.09.

Я села на диване в единственной комнате в квартире, разложила перед собой стационарные дневники и начала их изучать.

23.17.

Порядком устав от перебирания всех бумажек, я подсчитала примерное количество раз, сколько Герман отказывал-

ся от еды. Вспомнив то, что дают в клинике пациентам, меня даже замутило. Если учесть, что это – частная клиника, то, что тогда творится в государственных.

Сон давил на меня. Я выключила свет, укуталась в одеяло и уснула.

Снова причудилось посреди ночи, что сижу на той же скамье под дубом. Закат. Герман рядом.

– Ты все правильно делаешь, девочка, – говорил он мне, – только больше не плачь!

– Почему? – удивилась я.

– Я знаю, что тебе тяжело, но я не могу видеть твоих слез!

Он как-то по-дружески обнял меня за плечи. Так мы сидели и смотрели на закат, пока солнце не скрылось от нас, и небо не засияло миллионами звезд.

29.07.2006 – суббота

10.08.

Я проснулась, умылась, выпила кофе, поскольку глаза, даже после водных процедур, предательски слипались.

По телевизору шло какое-то ток-шоу. Я включила звук, чтобы не чувствовать себя одинокой, затем закрыла все папки с описанием его поведения. Зачем мне все они? Всё равно теперь я знаю его больше, чем все его лечащие врачи вместе взятые.

Телефон зазвонил. Я ответила. Это оказалась мама. Она предложила мне приехать на выходные к ним – в деревню. Я вспомнила, как я «отмазалась» от Вани и подумала, что всё возвращается. Я согласилась.

12.44.

Я сидела в родительском доме, и мы вместе пили чай. Мне всегда здесь было хорошо: уютно, тепло, спокойно. Сегодня же я обладала абсолютно противоположными чувствами. Меня тянуло обратно. Нет, не в квартиру, а в клинику. Я хотела его увидеть. Я хотела посидеть с ним в палате, держа его за руку, но еще больше мне хотелось, как накануне днем, лечь спать рядом с ним, чтобы он мог говорить со мной во сне.

Сейчас, спустя одиннадцать лет, я так и не поняла, как ему удавалось проникать в мои сны. Он же сам не понимает, как делает это.

22.10.

Весь день я провела вместе с родителями. Мы разговаривали, смотрели телевизор... Переночевать я решила тоже у них в своей старой комнате с большой кроватью, старинным зеркалом и комодом. Завтра вечером я планировала отправиться домой.

23.49.

Снится мне сон: я сплю в своей спальне в родительском доме и просыпаюсь посреди ночи. На краю моей кровати сидит Герман все в том же сюртуке.

– Что ты здесь делаешь? – почти не удивилась я.

– Я замерз без тебя, – разглядела я в темноте его печальную улыбку.

– Чем же я могу тебя согреть?

– Своей детской наивностью, добротой к моей черной душе...

– Не говори так. Она вовсе не черна.

– Она – холодный осколок льда. Растопи мою боль, уничтожь зло внутри меня. Я – калека, которого высмеяли, унизили, одинокий зверь в темной ночи.

Он замолчал, думая о том, что скрывает мой недоумева-

ющий взгляд. Я почти ничего не поняла из его слов, лишь то, что он сильно страдает, находясь в долгом заточении среди белых стен клиники.

– Лишь потому, что я медленно замерзаю, я ищу тебя. Я точно знаю, что, когда я рядом с тобой, мне не грозят печали. Здесь, в вечных льдах, я потерял компас. Я на пути назад к тебе и продолжаю искать твои следы на снегу...

– Герман, – мой голос, казалось, дрогнул, а в груди сильнее забилось сердце, – как бы мне хотелось быть сейчас рядом с тобой!

Он лишь улыбнулся в ответ, взяв меня за руку.

– Мне нравится это место, – говорил он, – оно, пусть и находится в реальности, окрашено в цвет. Знаешь почему?

– Нет, – честно ответила я.

– Потому что ты, когда была маленькой – мечтала здесь. И создавала сама эту комнату. Сюда вложена твоя душа.

– Как ты там? В клинике?

– Все хорошо. Я жду тебя. Спи.

Он наклонился, поцеловал меня в лоб и скрылся в моем старинном зеркале.

30.07.2006 – воскресенье

9.42.

На первом этаже что-то звякнуло, и я проснулась. Снизу доносился запах выпечки. Как хорошо жить у родителей! Еще три минуты ленивого валяния в кровати с закрытыми глазами.

Я зашла в ванную комнату, умылась, спустилась вниз. На столе стоял кофе и тарелка с круасанами.

10.14.

Позавтракав с родителями, мы вышли в сад. Отец пошел осматривать владения, а мы с мамой сели на качели и начали разговор.

– Как дела на практике? – спросила мама.

– Хорошо. Пациент интересный достался.

– Не боишься?

– Чего?

– Да, хотя бы, его.

– Нет.

– Какой он?

– О ком ты говоришь?

– Дочь, я все вижу: усталый взгляд, полный надежды... Ты влюбилась? В кого?

– Ох, не знаю, мама.

– Не говори, что в своего пациента.

– Я не знаю.

– В таком случае, лучше промолчать.

«Зачем она спросила меня об этом? Влюблена, не влюблена... Какая разница? Все равно он – пациент психиатрической клиники и закон запретит нам быть вместе в любом случае. Даже, если я и испытываю к нему какие-то чувства, то все они меркнут в сравнении с жалостью и желанием облегчить его страдания».

13.47.

Я попрощалась с родителями, села в машину и поехала домой. В квартире было тихо и пусто. Мне хотелось побыть одной. Почему? Я не знала.

Теперь настало время, когда я могла заварить себе большую кружку горячего чая, включить слезливую мелодраму и вдоволь наплакаться. У всех бывают такие моменты, когда нужно нарветься, чтобы выплеснуть всю тяжесть навалившихся проблем. Я тоже устала быть сильной.

17.24.

Мечты сбываются. И не только у меня. Раздался телефонный звонок, я ответила заплаканным голосом. То была Настя.

– Ты чего реवेशь? – бодро, без доли сочувствия, прото-

рила она.

– Кино грустное смотрела, – ответила я.

– Понятно. Слушай... Помнишь, ты мне два дня назад предложила погулять с одним парнем?

– Ваней?

– Да.

– И что?

– Вчера мы с ним провели время вместе.

– Поздравляю.

– Он очень классный! Внимательный, заботливый, умный.

«Да, уж, поумнее тебя» – подумала я.

– И? – надоело все это мне.

– Он мне предложил встречаться. Я согласилась.

– Я вас поздравляю! Насть, у меня связь плохая. Извини.

Я положила телефон и закрыла глаза. У какой-то глупой, бездарной, далеко не симпатичной девчонки жизнь куда интересней, чем у меня.

«Зато у меня есть Герман!» – подумала я и снова уронила улыбку с губ. Это не было достижением, скорее, стечением обстоятельств. Это мне не давало никаких утешений.

«Я обещала ему что-нибудь вкусное привести в понедельник. Нужно будет заехать в кондитерскую завтра. Она начинает работать с восьми!»

Я решила, что завтра нужно будет купить вкусный чай, торт, бутылку виски и вина для персонала, так сказать, «проставиться». Пока они будут отмечать, я смогу посидеть

вместе с Германом.

20.53.

Я погладила несколько вещей, среди которых была белая рубашка, платье с мелкими редкими цветками, футболку. Завтра утром решу, что надеть, ведь всегда выбираю наряд в самую последнюю секунду и по текущему настроению.

21.58.

Я легла спать в надежде, что во сне снова попаду в цветной мир Германа. Мне нравилось в нем: яркие краски, солнечный свет, компания мужчины, который может понять меня с полувзгляда. Редко можно найти такого человека.

Мне долго не удавалось уснуть, но через полчаса я все-таки смогла провалиться в сон.

22.40.

Я спустилась по лестнице усадьбы, покрытой черно-белым мхом. Дерево уныло померкло. Краски угасли, но все же можно было с трудом их различить. На скамье под листвою сидел Герман.

Я подошла к нему. Он посмотрел на меня и снова устремил взгляд вперед, опершись на трость.

– Зачем ты оставила меня одного? – не поворачиваясь ко мне, произнес он.

– Мне так сказал главврач.

– А если бы он приказал меня убить? Ты бы сделала это?

– Это разные вещи. Между ними нельзя поставить знак равенства.

– Хах, разве ты не поняла, что для меня это равносильно?

– Прости, я же не знала, что теперь мое присутствие в твоей жизни – неотъемлемая ее часть.

– Надень завтра платье, – вдруг попросил он.

– То, что с юбкой до колена?

– Да.

– Почему именно его?

– Потому что оно похоже на то, в которое ты одета во сне.

– Для тебя это действительно важно?

– Да.

Я осмотрелась.

– Почему здесь нет солнца? Здесь все пылало красками...

– А разве ты не понимаешь?

– Нет...

– Ты ушла и мой мир померк. Завтра ты приедешь и все снова станет ярким. Теперь погода в моем мире зависит от наличия тебя в черно-белой реальности.

31.07.2006 – понедельник

7.45.

Я проснулась и обдумала сон. В нем была тоска и уныние. Он грустит в своем выдуманном мире без меня.

Выпив кофе и умывшись, я оделась, взяла сумку, ключи от машины и спустилась на парковку.

8.24.

В кондитерской никого не было. Я купила большой торт для сотрудников и два крупных квадратных куска медовика. В свежести своих покупок я была уверена. Здесь отоваривалось полгорода.

После я зашла в винный магазин, где у меня попросили паспорт, что меня очень удивило: вряд ли я выгляжу моложе восемнадцати. В пакете оказалась бутылка красного полусладкого и бутылка хорошего виски.

8.54.

Я подъехала к воротам клиники, забрала пакет с заднего сидения и положила медовик в сумку, отдельно от других покупок.

Я позвонила в домофон, охранник впустил меня на территорию. Войдя в холл, я спросила его, где сейчас находятся

все сотрудники. Он указал мне на комнату для персонала.

Конечно, первым делом я хотела зайти в палату Германа, провести с ним это солнечное утро, но, чтобы усыпить бдительность санитаров и медсестер, я должна была занести им выпивку и закуску.

9.03.

Я постучала в комнату для сотрудников. Ее обитатели встретили меня с улыбкой. Я поставила на стол пакет, достала из него угощения.

Что мне стоило отвлечь коллег? Копейки.

9.49.

Веселие было в самом разгаре. Санитары сказали пациентам сидеть смирно в своих палатах и не беспокоить их.

Наливая себе первый бокал вина, я вдруг вспомнила потухший мир Германа. В груди что-то защемило и я, оставив празднующих, взяла сумку, в которой был медовик, чистую тарелку и ложку, направилась в палату к своему подопечному.

10.02.

Он не спал, а только лежал с закрытыми глазами. Услышав мои шаги по комнате, он открыл их, внимательно меня осмотрел и улыбнулся.

– Соскучился? – весело поинтересовалась я, садясь на

край его кровати.

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой.

– Нет? Тогда я пошла! – всё так же весело говорила я, вставая с постели.

Он схватил меня за запястье и кивнул головой. Я заулыбалась

– Я тебе кое-что вкусненькое принесла, как и обещала.

Он прощупал пальцами ткань моего платья. Я заметила это.

– Надела, как ты и просил.

Он снова улыбнулся. Ему было приятно, что я прислушиваюсь к его советам.

Герман перевел взгляд на тарелку, которую я держала в левой руке. Я вспомнила, что хотела.

– Я купила тебе медовик. Надеюсь, тебе понравится.

Я достала из сумки пакет, положила бисквитный кусок на блюде, села чуть ближе к своему подопечному, приподняла изголовье кровати, отломил от торта кусочек с помощью ложки и остановилась.

– Пообещай мне, – серьезно обратилась я к нему, – что сам приложишь все усилия, чтобы выздороветь. Тогда, как ты сам предложил мне, мы раскрасим эту черно-белую реальность.

Он снова кивнул, и тогда я поднесла ложку к его губам. Он принял лакомый кусочек и зажмурил глаза. Да, эта порция показалась ему самой великолепной пищей за последние

несколько лет. Я боялась его прервать. Я не хотела лишать его удовольствия. Этот маленький кусочек был прекраснее всех блюд, что выдавались в столовой, вместе взятых.

10.32.

Медовик закончился. В сумке, правда, лежал второй кусок, но, по глазам моего подопечного, я поняла, что на сегодня ему хватит.

– Давай так, – предложила я, – каждый понедельник я буду приносить тебе медовик, в качестве извинений за мое двухдневное отсутствие.

Он зажал мои пальцы в своей ладони и заулыбался. Так началась наша с ним дружба.

11.08.

В комнате для персонала продолжалось гуляние. Главврач уехал сегодня на какую-то научную конференцию, и из врачей в клинике была только я.

Санитары периодически заглядывали в палаты, но особого труда никто не прилагал.

Я взяла Германа за руку.

– Только давай ты сегодня пообедаешь. Хотя бы суп, – попросила я.

Он недовольно сморщился, но, не выдержав на себе моего умоляющего взгляда, согласился.

В палату зашел Ваня. Он был достаточно трезв. Сев на

пустую койку напротив меня, он заметил, что эти стены давно не видели таких праздников. После он рассказал мне, как сходил на свидание с Настей, потом встал и собрался уходить.

– Оставь ключ, – попросила я.

– Какой? – удивился он.

– От ремней.

– Каких?

– Смирительных.

– Ты хочешь его отстегнуть? – испугался санитар.

– Как пойдет, – ответила я и протянула вперед руку.

Он вложил мне в ладонь металлическую отмычку, предупредил об опасности и вышел из палаты.

– Ну и что, – обратилась я к Герману, – начнем индивидуальные занятия?

Он посмотрел на меня так, будто не он здесь пациент, а я. Мне удалось вынести этот взгляд, и я отстегнула ремни на правой руке. Переложив свою сумку, тарелку и ложку на пустую кровать, я расстегнула и второй ремень, теперь уже на левой руке.

Моему безрассудству не было предела. Я приподняла изголовье еще немного, чтобы он обрел полусидящее положение.

– Слушай меня внимательно, – говорила я, – я написала в листе назначений самую простую терапию для поднятия иммунитета и прочих мелочей. Будь добр, не сопротивляйся

моему лечению. Я отменила все транквилизаторы. Они тебе ни к чему...

Он дотронулся до моего платья, провел пальцем по узору, разгладил складку на юбке. В этот миг мне показалось, что я сильно заигралась.

Вырез на платье был полукругом. Он дотронулся указательным пальцем до ямки между ключицами, той, что в медицине называется яремной вырезкой, и той, что углубляется при вдохе.

Дыхание у меня оборвалось, опасаясь, что следом наступит акт удушения, однако, прощупав эту впадину, он слегка коснулся моих волос и опустил руку на кровать. Я забыла, о чем шла речь, да ему это было не интересно. Его лечили поразному и теперь, какие-то витамины, казались ему крайне безобидным средством.

Я пыталась завоевать его доверие, испытывая его же к нему. Я старалась не бояться ни одной его выходки, как бы страшно не было.

12.29.

Наступило время обеда. Ваня помог мне перевести Германа в столовую. Самой мне есть не хотелось. Я накормила своего подопечного рыбным супом, который на вид казался очень даже съедобным, затем отвезла его в палату.

Я вышла на пару минут, чтобы помыть руки, а когда вернулась, пациент уже был размещен на кровати.

13.17.

Санитары дружною толпою зашли в комнату для персонала и, включив телевизор, продолжили пить чай.

Я придвинула пустую кровать вплотную к той, на которой лежал Герман, опустила у него изголовье. Он не был связан ремнями. Да, было страшно, но я легла на соседнюю койку в десяти сантиметрах от него, предварительно опустив жалюзи.

Сна не было. Окна были открыты и мне стало прохладно. Совсем рядом я слышала осторожное дыхание Германа, словно он боялся меня разбудить. Я и не спала, а только притворялась, чтобы он поверил мне.

Он повернулся на правый бок и оказался лицом ко мне. Я чувствовала, как он провел пальцами по моим волосам, откинул их назад, дотронулся до шеи, ключицы... Было жутко, но я старалась дышать ровно так, как человек дышит во сне. Все это напомнило мне зарисовку из дикой природы, когда человек прикидывается мертвым, а медведь подходит к нему, обнюхивает, изучает.

Это могло бы быть смешным, но было страшно.

Он дотронулся до моей щеки, губ, и только тогда я все для себя поняла: он видит во мне не просто друга, которому можно доверять, а нечто большее...

Любовь?

14.30.

Я сладко потянулась и открыла глаза. Герман не спал, а лежал, заложив руки за голову, и смотрел в потолок. Я села на кровати, подогнув ноги под себя.

Сейчас только я осознала, что могла не проснуться, развязав своими же пальцами руки зверю.

– Ты совсем не спал? – спросила я у него.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Что-то не так?

Он на мгновение закрыл глаза и снова распахнул их, хитро прищурившись.

То, что этот дневной сон повторяется уже второй раз – ничего не значило. Сегодня для меня это был первый. Конечно, ведь в пятницу мы были гораздо дальше друг от друга, чем сейчас. К тому же, два дня назад руки его были закованы в ремни, а сегодня я доверила ему свою жизнь.

Он же чувствовал себя прекрасно и был на седьмом небе от счастья. Я ему поверила. Теперь это значило много.

Он был горд от того, что сумел проявить сдержанность и скрыть агрессию по отношению ко мне. По правде говоря, ему и не хотелось причинить мне вред. Ему просто было хорошо.

Я не знаю, с чем можно было бы сравнить эти полтора часа сна. Почему-то мне показалось, что мы были морально близки, и это было намного прекраснее, чем физическая близость.

– Нам нужно вернуть тебе голос и способность ходить, – заключила я.

Он безоблачно улыбался, глядя на мои детские попытки вернуть его к нормальной жизни. Герман достал одну руку из-под головы и положил ладонь на мои пальцы, размещенные на согнутых коленях. Мне стало безумно спокойно. Что-то было между нами не так. Что-то заставляло чувствовать себя абсолютно свободным. Возможно, мир, который пульсировал в нас обоих.

Мне безумно хотелось его обнять. Зачем? Не знаю.

Я придвинулась ближе, положила свою голову на его грудь, а он правой рукой бережно обхватил меня за плечи. Казалось, будто он боится меня спугнуть, но я сама решила стать близкой для него.

Я чувствовала под своей щекой его дыхание. Сердце стучало мне прямо в висок, и я вдруг поймала себя на мысли, что у нас абсолютно одинаковый пульс. Раз...два...три... Сердца бьются в один голос, и даже дыхание совпадает. Чего еще я хотела от него?

Он провел ладонью по моим волосам, а я подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он улыбался.

15.12.

В палату зашел Ваня. Увидев представшую его взору картину, он в ужасе отшатнулся, но, когда я села на кровати, он облегченно вздохнул.

– Слава Богу, ты жива! – воскликнул он.

– Ты сомневался? – удивилась я.

– А что тут произошло? – зашептал санитар, когда я подошла ближе.

– Давай я тебе потом все объясню.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что воспользовалась своим положением?

– Нет. Не хочу. Считаю, что это такая терапия.

– Ты же понимаешь, что я должен доложить об этом Филину?

– Ваня, я познакомила тебя с Настей. Давай, ты, в качестве благодарности, не станешь ничего никому рассказывать.

Он замолчал, затем опомнился.

– Ладно. Только сами не палитесь.

Санитар вышел из палаты, а я вернулась на пустую кровать.

– Он думает, что между нами что-то было, – засмеялась я, обращаясь к Герману.

Он пожал плечами и улыбнулся. Этого следовало ожидать. Что еще можно было предположить, увидев такую картину?

– Как ты считаешь, мне стоит пригласить для тебя логопеда или же попробовать самой?

Зачем я это спросила? Я ведь заранее знала ответ.

Он указал на меня пальцем.

– Герман, я понятия не имею, как тебя разговорить. Я не

владею никакими методиками...

Он улыбнулся.

– Если только... ты сам мне поможешь...

Судя по его выражению лица, я поняла, что он будет способствовать своему выздоровлению.

15.37

Зайдя в комнату для персонала, я поняла, что выпивка уже давно кончилась.

– Ваня, – обратилась к санитару, – мы пойдем гулять. Поможешь?

Он встал с дивана, и мы вместе прошли в палату.

– Мне его пристегивать? – спросил меня мой коллега, усадив Германа в кресло-каталку.

– Нет, не нужно.

– Тебе не кажется, что ты слишком спокойно к нему относишься?

– Мне он вреда не причинит.

– С чего такая уверенность?

– Просто поверь.

– Это потому, что ты с ним...спишь? – зашептал мой собеседник мне прямо в ухо

– А это уже не твое дело! – воскликнула я, взяла за ручки кресло и покатила на улицу.

15.57.

Я села на лавку напротив своего подопечного. У меня звонил телефон. На экране отобразилось имя Насти.

– Да, – ответила я. – Давай потом это обсудим... Я не знаю, когда у него день рождения... Разбирайтесь сами.

Телефон снова оказался на скамейке. И я обратила внимание на вопрошающий взгляд Германа.

– Это звонила моя однокурсница, – отвечала я на его немой вопрос. – Она вчера познакомилась с твоим санитаром Ваней. Теперь с самого утра мне названивает. Успокоиться не может от счастья.

Я замолчала, а потом вспомнила, что их свидание состоялось не вчера, а в субботу, но я подумала, что Герману это неважно.

– Давай попробуем начать говорить. Первым делом, нужно освоить гласные. Они проще. Попробуем звук «А».

16.30.

К этому времени он добился того, что открывал рот, выдыхал воздух, но использовать гортань так и не смог. Казалось, будто он произносит звук очень тихо, как будто боится, что его кто-то услышит.

Я поняла, что он сильно устал. Мы закончили занятие на сегодня. Я была безумно ему благодарна, поскольку он приложил столько усилий, чтобы помочь мне.

Почему он старался облегчить мне задачу? Неужели из-за сорокаминутных объятий? Я провезла его по саду, и мы

вернулись в палату.

17.02.

Время тянулось долго, но мне хотелось, чтобы этот день не заканчивался. Сегодня мы были так близки с ним, но я сомневалась, что все это может повториться снова.

Солнце тепло проникало сквозь прикрытые жалюзи и расстилало лучи по полу. Летний ветерок проскальзывал через распахнутое настежь окно и играл с занавесками.

Главврач вернулся с конференции около пяти, зашел в палату Германа и увидел, что я сижу напротив своего пациента через небольшой столик и делаю записи в блокноте, а его руки лежат на столешнице в абсолютно свободном состоянии.

– Яна, можно Вас пригласить выйти на минутку? – попросил Филин.

Я вышла в коридор. Он повел меня в свой кабинет.

– Садитесь, – указал он мне на стул. Я последовала его приказу.

Он прошел по комнате и остановился у окна.

– Как проходит лечение? – поинтересовался он.

– Я отменила все препараты и назначила только поддерживающую терапию в виде витаминов.

– Это хорошо. Надеюсь, что Ваши попытки вылечить его будут иметь благоприятные последствия.

– Вы ведь меня не для этого позвали?

– Да, сегодня на конференции я поднял вопрос об оней-

роидном синдроме. Так вот, хочу Вас огорчить. Все, кто когда-либо сталкивался с этим заболеванием, утверждают, что агрессии при нем быть не должно. Ваш диагноз неверный.

– Что ж... в таком случае... Могу сказать только одно – Герман абсолютно здоров.

– Так, этого мне только не хватало! Ложные убеждения в псевдо-логичном поведении больного!

– Николай Васильевич, если Вы дадите мне еще хотя бы месяц, хоть Вы сначала и говорили о двух, то я Вам докажу это, и Вы сами поставите ему печать «Здоров».

– Делайте, что хотите. У меня нет других вариантов, кроме как довериться Вам. Только помните, что от Ваших «игр» может зависеть его жизнь.

– Я все понимаю, но, то, что я делаю – не игры, а нестандартная терапия.

– Яна, будьте добры, выслушайте меня. Я двадцать пять лет проработал психиатром. Я знаю, к чему приводит Ваше безрассудство. Вы просто играете по его правилам. Он сведет Вас на свой же уровень и, рано или поздно, Вы окажетесь в соседней палате.

– Я безгранично благодарна Вам за заботу, но все же дайте мне возможность хотя бы попробовать.

– Я же сказал, что позволю Вам всё, но помните, что Вам не следует проникать в его собственный мир. Там Вы беззащитны.

Филин отпустил меня, и я убежала в свой кабинет. Я за-

крыла дверь, села на стол, сложила руки перед собой и заплакала. Я устала. За эти четыре дня, два из которых я провела в деревне у родителей, я выработала весь свой запас нервных клеток. Я сломалась. Только теплый взгляд Германа и его прикосновение могли заставить меня продолжить путь.

17.24.

В палате было тихо. Я села на край его кровати. Он дремал. Все казалось таким спокойным, что мне снова захотелось проникнуть в его мир, чтобы сделать передышку от реальности.

По больнице ходили посетители, и в саду раздавались голоса.

Я поймала себя на мысли, что завидую своему пациенту: на нем не лежит никакой ответственности, он в любой момент может спрятаться от действительности, провалившись в сон.

Я осторожно положила руку на его грудь. Он задышал глубже.

«Что тебе снится?» – подумала я.

Он передернулся и открыл глаза.

– Скоро ужин... – зачем-то заметила я.

Герман попытался поднять руки, но его сковали ремни. Он недовольно посмотрел на меня

– Это не я! – вырвалось у меня оправдание.

Он раскрыл ладонь, и я вложила в нее свою руку. Мой под-

опечный улыбнулся, но потом закрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Тебе плохо здесь?

Он внимательно смотрел на меня, бережно прощупывая косточки моего запястья.

– Не пора ли нам начать раскрашивать черно-белую реальность?

Он отрицательно покачал головой.

– Думаешь, рано?

«Ну да, я же тебе еще не доказала, что действительность лучше твоего мира».

– Ты чего-нибудь хочешь? – заботливо спросила я.

Он осмотрел меня с головы до ног, задерживая взгляд на каждом участке тела, затем усмехнулся с каким-то недвусмысленным намеком, поднял бровь и дерзко впился в мои глаза.

Я несколько не смутилась, хотя прекрасно поняла – чего именно он хочет. Я сделала ответный жест: подняла левую бровь и усмехнулась. Приняв решение ни слова ему не говорить, я продолжила общение на невербальном уровне.

Началась детская игра «Кто кого переглядит», вот только смысл здесь совсем не детский таился.

17.43.

– Где эта девчонка? – раздался громкий мужской незнакомый голос в коридоре.

Я встала с кровати Германа и, отпустив его руку, всмотрелась в дверь палаты, к которой приближался шум. Петли скрипнули, в комнате показался Филин и какой-то мужчина лет тридцати.

Гость клиники посмотрел на меня и сразу сменил гнев на милость. Глаза заулыбались, и он извинился за грубость, выкрикнутую за пределами этого помещения.

– Простите, а Вы кто? – уловив свое преимущество в сложившейся ситуации, спросила я.

– Ах, извините, я не представился. Меня зовут Еремеев Александр Петрович.

– Очень приятно, – не испытывая особой радости, да и приязни, ответила я.

Он протянул мне руку. Я ответила взаимностью. Однако он, вопреки ожидаемому пожатию, прильнул к ней губами.

– А я, по-видимому, и есть та девчонка, которую Вы искали с дикими воплями голодного буйвола.

– Я же уже попросил прощения, – виновато напомнил он.

– Вы мне пациента напугали, – упрекнула я его. – А у нас, между прочим, лечение проходило.

– Его извинения мне не требуются.

– Ясно, – сухо произнесла я.

– Кстати, я являюсь коллегой Вашего руководителя – Николая Васильевича.

– Поздравляю, – безразлично ответила я, заметив мрачный взгляд Германа.

«Ревнует» – почему-то подумала я.

– Сегодня на конференции мы обсуждали Ваше лечение, способы, предлагаемые Вами. По правде говоря, все врачи, присутствовавшие там, были удивлены...

– Не скромничайте, Александр Петрович, – озвучивала я мысли, словно надиктованные мне голосом моего подопечного, – все врачи говорили, что я сама безумна, сошла с ума, полная дура и ничего не смыслю в психиатрии. Так?

Мой собеседник покраснел, а Филин, встряв в наш разговор, предложил пройти в его кабинет.

– До шести я должна вернуться сюда! – возразила я.

– Зачем? – поинтересовался главврач.

– Я провожаю пациента в столовую и присутствую там во время приема пищи.

Увидев удивленный взгляд Еремеева, я решила, что нужно добавить неоспоримый аргумент.

– Это является частью терапии.

Мой новый знакомый доброжелательно улыбнулся и пропустил меня вперед.

17.49.

Я села в кресло напротив Еремеева, который, откровенно говоря, в наглуемую рассматривал меня. Филин занял свое место и многозначительно сложил перед собой руки.

– Давайте приступим. У нас мало времени, – прервала молчание я.

– Яна, – обратился ко мне Александр Петрович, – простите, не знаю Вашего отчества.

– Не думаю, что сейчас это имеет значение, поэтому не стоит напрягать Вашу ЦНС.

– Интересно, Вы так торопитесь вылечить его или просто Вам неприятен наш разговор? – не заметив моей колкости, продолжал он.

– В некотором роде, всё вышеперечисленное Вами одно-моментно.

– Интересно...

– Абсолютно нет... Быть может обсудим дело, а не меня?

– Да, конечно. Сегодня на конференции был задан вопрос... Как бы помягче сказать?

– Говорите, как есть.

– Один из наших коллег спросил: «Неужели, эта выскочка настолько самоуверенная, что считает, будто может вылечить пациента, который не поддавался никакому лечению более 20-ти лет, не прибегая к помощи препаратов?»

– Хах! – усмехнулась я.

– Не обижайтесь, прошу Вас.

– *Iratus sum super populum non. Ut muto sunt*³.

– Что это значит?

– Вы же врач – должны знать латынь.

– Я плохо ею владею.

– В таком случае, ничем не могу помочь.

---

³ (лат.) Я не обижаюсь на людей. Я меняю о них свое мнение.

– Что Вы можете сказать? – вмешался Филин.

– А что тут скажешь? Ваш коллега прав, я выскочка излишне самоуверенная, и думаю, что, обращаясь со своим подопечным по-человечески и возвращая его к социуму, помогу ему тем самым адаптироваться в реальности и отказаться от мира иллюзий.

– Так вот, какие цели Вы преследуете? – воскликнул Еремеев.

– Не делайте из себя невинную овечку. Под Вашей шкурой – волк, готовый сожрать беззащитного.

– От чего Вы так со мной?

– «По делам судите их!». Будете говорить, что защищали на конференции мое отношение к данной ситуации? Я слышала с какими криками Вы ворвались в клинику! Вы не на моей стороне, а против меня, поскольку здесь третьего не дано. Я вижу, что все ждут, когда кончатся эти два месяца и результатов не будет, тогда Вы лично вместе со всем высшим светом психиатрии, членов которого самих бы не мешало подлечить транквилизаторами, вскрыете ему мозг!

– Яна, разве я произвожу впечатление зверя?

– Одно я знаю точно, я зря трачу с Вами время. Давно наступило время ужина. Меня ждет пациент!

Я встала с кресла и подошла к двери.

– И, кстати, – добавила я, повернувшись к Еремееву, – в психиатрии существует такое понятие, как «Сотерия».

Я покинула кабинет. О чем разговаривали двое врачей,

когда я оставила их одних – мне не ведомо.

18.07.

Герман уже сидел в кресле-каталке, а рядом стоял Ваня.

– Как дела? – спросил у меня санитар, увидев мое недовольное выражение лица.

– Как у одноклеточного организма, которому вживили разум.

Я вывезла коляску в коридор и направила в столовую.

– Да не переживай ты, – успокаивал меня Ваня, – ничего они тебе не сделают. Сами же прекрасно знают, что ты – его последняя надежда. Лечили его препаратами двадцать лет – все без толку, а ты с ним даже спишь в обнимку при расстегнутых ремнях и ничего... Это уже прогресс.

– Ну да. Только не говори никому о моих достижениях.

– Мы же договорились.

Я взяла у Вани ключ, отстегнула Германа, пододвинула тарелку ближе к нему.

Он тревожно смотрел на меня, но в то же время в его глазах плескалась бездонная забота, в ответ на мой грустный потухший взгляд. Он бережно взял меня за руку, которая лежала на краю стола, и вопросительно посмотрел на меня.

– Все хорошо, – через силу улыбнулась я.

Он не согласился, отрицательно качнув головой.

– Ну, хорошо. Я солгала. Не все.

На глаза наворачивались слезы. Мне хотелось уткнуться

в него и зареветь, но я сдержалась.

– Я просто маленькая девочка, которая заигралась во взрослую жизнь.

Герман подъехал ближе к столу, поставил левый локоть на столешницу и провел тыльной стороной пальцы по моей правой щеке.

– Все будет хорошо? – спросила я.

Он утвердительно кивнул. Я улыбнулась. Что я еще могла сказать? Ничего. Он сам все прекрасно понимал и не нуждался в моих объяснениях и словах.

Псих, которого пристегивают ремнями к кровати и надевают смирительную рубашку, завязывая сзади рукава, относился ко мне так, как никто никогда себе даже представить не мог. Он – единственный, кто меня понимал и искренне жалел... Быть может потому, что однажды его пожалела я?

Вот кто, во истину, был овечкой в волчьей шкуре. Он только казался таким: агрессивным, злым, но на самом деле в его душе был прекрасный сад из ароматных цветов.

18.40.

– Тебе пора, – раздался голос Вани рядом со мной, когда я расправляла подушку под головой Германа.

– Может мне не уезжать? – в надежде, что санитар меня поддержит, задала я вопрос.

– Филин будет против, – с сожалением в голосе заметил мой собеседник.

– Ну, в конце концов, он может и не узнать. Он сам уедет отсюда в семь.

– Ян, ты рискуешь. Сильно.

– Ты сам сказал, что они мне ничего не сделают.

– Позволь с тобой поговорить начистоту.

– Конечно.

– Пойдем, выйдем.

Он вывел меня в коридор, прислонился правым плечом к стене. Я закрыла за собой дверь в палату и встала напротив собеседника.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он.

– Что? – искренне недоумеваю, поинтересовалась я.

– Держишь его за руку, спишь в обнимку, проводишь рядом целые дни, а теперь требуешь и ночи? Не говори, что ты...

– Нет! – испугалась я того, что он собирался сказать, хоть и не знала, что именно.

Ваня подозрительно посмотрел на меня.

В этот момент мне вдруг показалось, что я провинившаяся школьница в кабинете директора.

– Ладно, – согласилась я, – хочешь начистоту, давай начистоту. Я не знаю. Честно. Меня влечет к этому человеку. Почему? Не имею ни малейшего понятия. Сначала я думала, что это научный интерес, а теперь понимаю, что-то здесь не так. И не осуждай меня. Не имеешь права!

– И не думал.

– А еще... я на самом деле верю в то, что, благодаря любви, он станет нормальным членом социума.

– Не боишься последствий, осуждений?

– Плевать я хотела на всех! Что они мне сделают?

– И как далеко ты готова зайти?

– Пока не знаю.

– И переспать с ним готова? – удивился Ваня.

– Так, это уже мое личное дело. Ты узнал, что хотел, все.

Я пошла.

– Значит, остаешься?

– Нет. Завтра останусь, а сегодня – домой.

Я зашла в палату, попрощалась с Германом, забрала свои вещи, пожелала всем спокойной ночи, хоть до нее было и далеко, и пошла к своей машине.

– Яна, постойте! – раздался за моей спиной голос Еремеева.

– Что-то еще? – резко повернувшись, спросила я.

– Мы с Вами так недружелюбно расстались... Хотелось бы исправить положение...

– Хорошо. Давайте расстанемся по-другому. До свидания, – фальшиво улыбнулась я.

– Нет, так просто Вы от меня не отделаетесь, – попытался остановить меня врач.

– Конечно, нет. Я сейчас сяду в свою машину и поеду домой, а Вы можете продолжать здесь стоять и кадрить воздух. Только будьте осторожны. Здесь все-таки психушка. Примут

еще за больного.

Я отвернулась, подошла к машине, открыла дверцу.

– Подождите. Быть может, поужинаем вместе?

– Предпочитаю «Доширак». Боюсь, это не Ваш уровень.

– Почему же? Сейчас заедем в супермаркет и купим...

– Хм, а кипяток Вы откуда возьмете? Будете с бубном танцевать, чтобы горячий дождь пошел?

– Зачем же горячий? Я подогрею воду на своем сердце!

– Хах, как же Вам удастся поддерживать гомеостаз с таким водным обогревателем?

– Вы настоящий врач! У Вас даже шутки медицинские. В конце концов, за кипятком можно ко мне домой поехать!

Я подошла к нему вплотную, поправила край воротника белой рубашки.

– Давай уже сразу ко мне... – прошептала я ему в ухо.

– Давай... – тяжело выдохнул он.

Я резко отошла от него, распахнула дверцу машины, села внутрь.

– Прощайте, коллега! Искренне надеюсь больше с Вами не видеться! – отрезала я и, хлопнув дверью, отъехала со стоянки.

19.35.

Дома было пусто. Разве могла я ожидать чего-то другого? Я громко включила музыку, сварила гречку, которую мне вдруг ужасно захотелось, пожарила сосиски. Разложив ди-

ван, я разместила подушки и одеяло.

Полужинав, я выключила музыку, «пробежалась» по каналам, нашла фильм «Сокровища нации» и оставила его на экране.

Спать не хотелось, да и рано еще было. Я открыла ноутбук, посмотрела мировые новости.

20.15.

Чай в кружке остыл. Я так и не допила его до конца. Фильм я не смотрела. Он шел фоном к моим мыслям.

Время текло медленно. Так хотелось уснуть! Не спать, а именно уснуть, чтобы снова погрузиться в мир Германа.

Я во второй раз вскипятила воду для чая. Как убить вечер? Ничего в голову не приходило.

«А я могла бы сейчас сидеть...ну, или лежать рядом с ним...»

Я выключила чайник, надела джинсы, футболку, взяла ключи от машины и квартиры, твердо решив вернуться обратно.

Я спустилась на парковку, открыла дверцу, села внутрь, запустила двигатель и остановилась.

«Боже, что ты делаешь? Куда ты едешь? Какая клиника? Одумайся!»

Я включила тяжелую музыку, выехала с парковки, затем за город, в лес. Начинало темнеть.

В глубину леса вела еле заметная дорога. Я свернула на

нее, остановилась. Музыка громко играла, заглушая мысли. Солнце село за горизонт. Наступил мрак.

22.18.

Я просидела так чуть больше часа. Вокруг меня был густой непроглядный лес. Вдали передо мной блеснула пара желтых огоньков. Мне показалось, что это ехала машина. Наверное, на том конце этой тропы была какая-нибудь деревня.

Я приблизилась к лобовому стеклу и всмотрелась в темноту. Огоньков становилось все больше: три пары, четыре, шесть, девять. Их природу я не могла понять, пока не зажгла дальний свет фар и не рассмотрела в ста метрах от себя стаю волков. Они стремительно мчались в мою сторону. Через несколько мгновений были прямо перед машиной.

Пару лет назад я читала статью о том, как отпугнуть этих хищников – нужно шуметь, кричать, прыгать... Я опустила немного окна, сделав щель в три сантиметра, и увеличила громкость музыки. Они обошли несколько раз машину, один из них встал передними лапами на капот, другой подошел к дверце, а потом они все вместе скрылись.

Я приложила пальцы к лучевой артерии. Пульс зашкаливал.

«Приди, прикоснись ко мне. Я погибаю, потому что ищу тебя... Спаси меня! Я нахожу тебя, и влюбляюсь без памяти, поэтому я сгораю... Спаси меня! Приди и освободи меня от

самого себя... Приди и освободи меня!⁴» – голос Германа возвращал меня к жизни, напоминал мне, что я ему нужна.

Я выехала на трассу и направилась в город. Сделав несколько кругов по ночным улицам, я заехала в знакомый квартал, остановила машину.

23.27.

Только дома я поняла, что была на волоске от смерти. Один из тех случаев, когда рок-музыка спасает жизнь.

В голову пришла идея сделать полное обследование моего пациента: УЗИ, кровь, рентген, МРТ и прочее.

Чайник кипятить в третий раз я не стала. Легла спать.

В голове пульсировал четким ритмом голос Германа: «Я точно знаю, что этой ночью тебе меня не хватает. Ну же, вступи меня в свой сон, и мое проклятье обрушится на тебя и разъест твое сердце⁵».

А я ведь убила вечер игрой со смертью.

---

⁴ Фраза из песни Oomph! «Rette Mich» (нем. Спаси меня) из альбома «Ego» 2001 года.

⁵ Фраза из песни Oomph! – Unter deiner Haut (нем. У тебя под кожей) из альбома «Monster» 2008 года.

01.08.2006 – вторник

01.30.

Я проснулась во сне от того, что кто-то сел на мою кровать. Я открыла глаза и увидела Германа.

– Пойдем, – позвал он. – Я соскучился по тебе.

Мы вышли с ним в сад, который весь пылал яркими красками. Он повел меня мимо дерева, через поляну, в небольшой лесок, в котором бежал ручей с прохладной водой.

– Нравится? – спросил он у меня.

– Да, – восхищенно ответила я.

– Здесь все было не так уж красочно... Я...не знаю, как описать тебе свою жизнь, если моё никчёмное существование можно так назвать... Я плыву по черному голодному морю через ночь, оно почти сломало меня, ведь приходится бороться против течения. Я вижу тебя. Ты – свет моего маяка, поэтому не оставляй меня, пока не погаснет твоё пламя...

Он сел на камень возле ручья и запустил пальцы в воду.

– Видишь, какая чистая? – уточнил он.

Я кивнула головой. Он вынул руку из прозрачной глади, и вода стала чернеть. Теперь она не журчала, а булькала, словно то было кипящее болото.

– Что это значит? – испугалась я.

– Это мое сердце. До и после появления нового врача.

Еремеева, кажется, – заботливо, но нагнетающим голосом, пояснил Герман.

– Ты ревнуешь? – расстроилась я.

– Эй, девочка, не огорчайся! Просто знай, что я вижу его лучше, чем ты. Его намерения низки.

– А твой? – по-детски спросила я.

– Что «мои»?

– О чем ты пытался попросить, когда я поинтересовалась, чего ты хочешь? Какое желание было в твоём взгляде?

– Я не педофил, если ты об этом.

– В каком смысле? Я, вообще-то, давно уже совершенно-летняя.

– Это ты в реальности взрослая! В моём мире тебе всего лишь лет шестнадцать. Посмотри, в воде твоё отражение.

Я взглянула в ручей. И впрямь, на меня смотрела девочка-подросток.

– Так, ты же хотел ту, что в реальности, значит, взрослая.

Он подошел ко мне и прижал голову к своей груди.

– Глупенькая, глупенькая девочка! Я тебя и в реальности вижу такой. Или ты забыла, что здесь и там ты для меня цветная!

– Значит, ты меня не любишь? – заплакала я.

– Конечно, люблю! Ты – единственная, кто дает мне повод жить! Но, пока ты не станешь для меня взрослой – люблю только как младшую сестренку.

– И как мне ею стать?

– Во сне – не получится. Думай в реальности.

– Герман! – раздался приятный женский голос.

Он обернулся, а я выглянула из-за его спины.

– О, кто к нам пожаловал! – воскликнул он и приблизился к девушке.

– Знакомься, сестренка, – обратился он ко мне, – это Ангелина. Моя...

– Любовница, – заключила я.

– Своего рода, – ответил он и обнял ее за талию.

– А в реальности она есть? – поинтересовалась я.

– Эмм, нет. Она – плод моей фантазии. Ну, надо же взрослому, половозрелому мужчине как-то коротать ночи.

Он впился губами в её полуобнаженное плечо. Мне стало противно.

– Ладно. Я пошла, – сказала я и направилась в усадьбу.

Герман догнал меня, развернул и встал на колени. В его глазах я прочитала боль отчаяния, пульсирующей кровью на бледных висках бьющейся в его сознании.

– Боже, девочка, сколько ночей я привыкал к тебе? Сколько мечтами вознаградила меня твоя боль? Сколько снов назад я помог тебе родиться заново? Сколько ночей я навещал тебя? Сколько снов назад ты прокляла меня? Просто скажи мне, что тебе всё это не нужно, и я отпущу твою душу прочь из моего ада!

Герман смотрел мне в глаза, заставляя погружаться в безоговорочное подчинение его воли.

– Послушай, маленькая моя, – с какой-то бесконечной нежностью говорил он, – как только ты станешь взрослой, то я в тот же миг выкину всех этих шалав из своего мира. Я буду только твоим. Только подожди. И, заметь, длительность моих отношений с той же Ангелиной зависит только от тебя.

– Ясно, – равнодушно подытожила я, собираясь снова идти, но он удержал меня.

– Ты понимаешь, что нас ждет? Даже представить себе не можешь, я уверен в этом! Сначала рай, а потом грехопадение! Ад и вечные муки, пойми! Ты готова пройти через осуждение, клевету и прочие общественные мнения, которые повесят на нас ярлыки! – почти кричал он от душевной боли, которая разрывала его изнутри на мелкие куски плоти.

– Я бы умерла за тебя! – спокойно и абсолютно серьезно глядя в его глаза, ответила я.

Он отпустил мою руку, а его испуганный взгляд выдавал его удивление.

– Ты сходишь с ума, малышка... – прошептал он.

– Займись своей дамой, – я презрительно хмыкнула в сторону девушки, стоявшей за его спиной и пошла прочь.

– Я действительно испугался за тебя, когда ты встретила с волками! – кричал он мне вслед. – Не заезжай больше в лес!

– Спасибо за заботу! – бросила я ему и, обернувшись, увидела, как его обнимает и целует Ангелина.

Утро не предвещало ничего хорошего. Я обиделась на Германа и не хотела его видеть. Со стороны это могло показаться бредом, но мы с ним оба знали, что все это происходит между нами на самом деле.

Я надела тапки, прошлепала в ванную комнату, умылась. Выпив кофе и, съев пару бутербродов, я натянула на себя джинсы, белую майку с двумя лямками шириной в пару сантиметров, нашла маленький рюкзак, засунула в него все, что до этого находилось в сумке и, схватив ключи, вышла на лестничную площадку.

9.17.

Когда я подъехала к клинике, по саду прогуливался Ваня вместе с Германом, сидевшим в кресле-каталке.

– Опаздываешь! – улыбаясь, крикнул мне санитар.

Я позвонила в домофон и зашла на территорию.

– Как дела? – заинтересованно спросила я у Вани, не глядя на пациента.

– У Германа? Все хорошо.

– Да нет. У тебя как? Он-то здесь при чем?

Мой подопечный удивленно посмотрел на меня, потом помрачнел и отвернулся. (Я все это наблюдала боковым зрением, пока доставала из рюкзака телефон).

– У меня все хорошо, – ответил мне Ваня, – вчера вечером с Настей целый час по телефону разговаривали.

– Молодцы. Я рада за вас.

– У тебя как?

Я посмотрела на Германа.

– Нормально, – сухо ответила я.

Санитар кивнул в сторону пациента, который сидел к нему спиной и не видел его жестов, словно спрашивая: «Он что ли виноват?»

– Отчасти, – сказала я и направилась в клинику.

Я зашла в сестринскую и попросила у медсестры костюм персонала. Она протянула мне аккуратно сложенный сверток. Я поблагодарила и ушла в свой кабинет.

9.31.

Я надела халат. Его рукава доходили мне до пястья. Он имел воротник-стойку. Я застегнула его прямо до шеи.

Он видел меня в майке, которая обтягивала талию, грудь. Чуть выше верхнего края виднелся кусочек бюстгалтера. Все было достаточно откровенно, а теперь я закрыла все, что могла. Пусть побесится, Ангелины ведь рядом не будет, пока он бодрствует!

9.42.

Я взяла историю болезни Германа, спустилась вниз, закрепила волосы в пучок и зашла в палату.

– Температуру сегодня мерили? – спросила я у санитаря.

– Да, – удивленно ответил он.

– Сколько?

– 36,7.

Я записала эти цифры в его историю и продолжила опрос.

– Боли какой-либо локализации были?

Ваня подошел ко мне.

– Ян, что случилось?

– Ничего. Я просто поняла, что и Филин, и Еремеев были правы. Нестандартный человеческий подход к пациенту – ни к чему хорошему не приведет. Назначу ему стандартную терапию – аминазин, метофеназат и еще что-нибудь для разнообразия. Я же все-таки врач и должна использовать традиционную медицину.

– С тобой точно все хорошо?

– Нет, Вань, все плохо. А знаешь почему?

– Почему?

Я села на край кровати Германа и сложила руки перед собой. Голова опустилась на грудь, и я тяжело вздохнула.

– Знаешь, как тяжело, когда тебя предает человек, которому ты только что начал искренно верить?

– Кто же этот урод? – возмутился санитар.

– Тот, кто так поступил, уже все понял.

Я почувствовала легкое прикосновение пальцев чуть выше поясицы. Это был Герман.

– Не трогай меня, пожалуйста, – бессильно попросила я.

– Ян, может пересмотришь позицию?

– Потом поговорим.

Да, наверное, нет ничего хуже обиженной женщины, осо-

бенно, когда у нее есть власть над мужчиной. У меня она была.

10.02.

Я позвонила знакомому логопеду – Логинову Максиму Анатольевичу. Мы с ним вместе учились в школе, только он был старше меня на три года.

Он обещал подъехать к одиннадцати часам.

Я назначила пациенту на сегодня УЗИ щитовидной железы, ЭХОКГ, а на завтра – брюшной полости и малого таза, поскольку сегодня он уже завтракал.

Чтобы начать лечение препаратами, мне нужно было его полностью обследовать, с целью выявить противопоказания.

– В конце концов, – оправдывала я себя вслух, – только теперь я поступаю правильно. Лечение, хоть и не помогало ему двадцать лет, но все-таки может помочь теперь. Боже, зачем я все это придумываю? Оно ему не поможет! Зачем я вру сама себе? Хотя... с другой стороны... Разве я доказала верность моего метода? Если он меня не задушил, хотя возможностей было предостаточно, то это значит только то, что он меня пожалел... или был морально сыт. Ни о какой любви и речи не может быть.

Я замолчала и услышала шаги за дверью. Стук.

– Войдите, – записывая назначения в истории болезни, сказала я.

– Здравствуйте, Яна, – произнес гость.

Это был Еремеев. Он надел халат, но застегивать его не стал. Зайдя в мой кабинет, он поправил его рукава и воротник черной рубашки.

«Воистину, черно-белая реальность» – снова подумала я, глядя на него.

– Вы что-то хотели? – уточнила я.

– Мы вчера с Вами плохо поговорили... Давайте перейдем на дружеский лад.

– Я не выстраиваю никаких отношений с коллегами, кроме деловых.

– Но это не значит, что мы должны быть врагами.

– Вчера я поставила Вас на место.

– Вы замужем? – внезапно сменил он тему.

– В некотором роде, – не растерялась я.

– Как это понять?

– Как хотите, так и понимайте.

– Жених?

– Любимый мужчина.

– Даже не парень... И на сколько же он Вас старше?

– Он даже Вас старше, поэтому, будьте добры, прекратите допрос.

– Разве это допрос? Так... Дружеская беседа.

– Мы с Вами не друзья. А теперь извините – мне надо работать.

Он оставил меня одну. Зазвонил телефон. Я ответила. Макс сообщил мне, что подъезжает. Я пошла его встречать.

10.55.

Логинов был двадцати пяти летним парнем мы еще со школы дружили. Сейчас он был женат, и его супруга была на пятом месяце беременности.

– Привет! – крикнул он мне, зайдя в холл.

Мы по-дружески обнялись.

– Что у тебя случилось? – поинтересовался он.

– Пациент. Тридцать шесть лет. Не разговаривал ни с кем чуть меньше четверти века.

– Надо разговорить? – улыбнулся логопед.

– Макс, только будь осторожен. Он, все-таки, псих.

– Ну, ты же со мной пойдешь...

– Это, конечно.

Я проводила его в палату.

– Итак, Герман, это Ваш логопед. Он будет возвращать Вашу речь, – холодным голосом говорила я.

Мой подопечный недовольно посмотрел на меня. Я видела, что он хочет мне что-то сказать, но я назло ему не собиралась спать днем.

– Меня зовут Максим, – представился мой друг пациенту. – А Вы, я так понимаю, Герман?

Тот даже не посмотрел на него. Я села в кресло у столика рядом с дальней стеной.

12.15.

Почти полтора часа Макс пытался завоевать внимание пациента, разговорить его, заставить слушать, но Герман отвернулся в противоположную сторону и смотрел поверх моей головы.

– Ян, можно тебя на минутку? – обессилил Макс.

Мы вышли с ним в коридор.

– Я ничего не могу с ним сделать, ты это и сама видишь.

– И что нам теперь с ним...? Как его лечить?

– Он очень упрямый. И, кажется, он на кого-то обиделся.

– Он обиделся?! – возмутилась я. – По-моему, мне стоило на него обидеться.

Из палаты вышел Ваня.

– Скоро обед, – заметил он.

– Ничего. УЗИ щитовидки и ЭХО – это недолго, – ответила я. – Отвези его в кабинет.

– Хорошо.

Санитар снова скрылся за дверью.

– Ладно, я поехал, – заключил Макс.

– Давай.

Он вышел на улицу и скрылся за воротами. Я поняла – надо мириться с Германом, в конце концов, Ангелина – это всего лишь его фантазия.

12.19.

Пациента разместили на кушетке, сняли рубашку. Во мне что-то дрогнуло. Он был идеально сложен. Нет, «кубиков»,

конечно, там не наблюдалось, но физическое состояние его торса впечатляло.

За аппаратом ультразвукового исследования сидела женщина лет пятидесяти. Она нанесла гель на проекцию железы и начала елозить «джойстиком».

Через несколько минут она быстро надиктовала медсестре результаты. Я ознакомилась с ними и сделала заключение – все в пределах нормы.

Далее последовало исследование сердца: предсердия и желудочки работали, как часы, клапаны и двустворчатый, и трехстворчатый, и аортальный были в идеальном состоянии.

Все данные зафиксировали в истории болезни, а врач УЗИ подала салфетки пациенту.

– Вытирайте гель! – сказала она Герману.

Он в недоумении посмотрел на меня.

Она отдала ключ Ване и вместе с медсестрой отправилась на обед.

Я взяла оставленные ею салфетки, подошла к пациенту, села на край кушетки и начала вытирать его грудь. Он еле слышно застонал.

– Ладно, – виновато пролепетала я, – прости меня. Я поняла, что накосячила, но мы оба с тобой хороши!

Его руки не были пристегнуты, он схватил меня за плечи и притянул к себе. Поцелуй был недолгим – две-три секунды, но мой халат безнадежно испачкался в геле с груди Германа.

– Ты же не педофил! – съязвила я.

Он пожал плечами и кивнул, указывая на Ваню, стоявшего за моей спиной, который был занят колесами коляски, что застряли между ножками стульев, пытаюсь развернуть её.

Пока мой помощник одевал и усаживал пациента, я сняла халат, расправила майку и джинсы.

– Ты не мог бы отнести это в прачечную, а я его сама отвезу.

Ваня взял халат, пропустил нас с Германом вперед и закрыл кабинет УЗИ на ключ. Мы отправились в столовую.

12.40.

Пациенты уже доедали суп.

«Ничего страшного! – подумала я. – Зато мы помирились!»

На обед были: грибной суп, плов и фрикадели. Компот оказался вишневым.

Я взяла поднос, принесла Герману еду и села рядом. Себе решила позволить только третье блюдо, поскольку аппетита не было, а умереть от голода было бы нечестно по отношению к моему подопечному.

Придвинув ему тарелки, я поднесла к своим губам стакан с компотом.

– Ты уже второй день не обедаешь! – раздался за моей спиной голос Вани.

Я посмотрела на Германа, который доедал «первое».

– Почему? Он хорошо кушает!

– Да я не про него, – поправил меня санитар, садясь рядом.

– Я просто не хочу есть.

– Заболела что ли? – забеспокоился мой собеседник.

– Нет. Просто аппетита нет и всё.

13.12.

Из-за вчерашних ночных прогулок с волками по лесу мне ужасно хотелось спать.

Ваня помог Герману разместиться на кровати, закрыл жалюзи. Я попросила не пристегивать пациента к койке. Санитар ушел.

Я придвинула свою кровать чуть ближе, но расстояние между ними было в полметра. Заняв свое место, подтолкнув подушку под голову и свернувшись в клубочек, я все еще пыталась изобразить обиженный вид.

Дремота напала на меня мгновенно, и я потеряла прямую связь с реальностью.

13.25.

Я почувствовала какие-то колебания кровати. Когда я открыла глаза, то увидела, что Герман пристально смотрит на меня, находясь всего в десяти сантиметрах от моего тела. Он лежал на правом боку и смог придвинуть мою койку к своей.

– Ты по-прежнему считаешь меня маленькой девочкой? – прошептала я, подложив обе ладони под свою щеку.

Он улыбнулся, обхватил меня за плечи и притянул к себе. Я ответно обняла его. Его пальцы стянули пучок с моих волос и растрепали их по белоснежной подушке. Его дыхание путалось в лабиринте моей прически, которую он сам же и создал. Это было безумие, растворенное в нежности, смешанной с тоской. Это был горький, но чрезвычайно желанный напиток... наркотик... В тот момент я хотела остаться здесь навсегда... Рядом с ним.

К чему было сейчас приглашать меня во сне в свой мир, если я и так лежала в обнимку с его создателем? Тепло, которым мы обменивались, говорило куда больше, чем наше вербальное общение вне реальности.

Такие сильные руки сцепились за моей спиной. Я не чувствовала ничего, кроме безграничной опьяняющей до дури нежности. Он, определенно, не был психом.

В кармане зазвонил телефон. Я неохотно убрала правую руку с тела Германа, достала аппарат и ответила на звонок.

* Яна! Яна! – раздался радостный голос моей подруги – Жени.

Я закрыла глаза, стараясь не потерять то тепло, которое разлилось по моим сосудам в результате сонного мечтательного жара.

– Что? – спокойно и равнодушно спросила я.

* Мы сейчас с Вовой и ребятами едем на озеро недалеко от города! Давай с нами!

– Женёк, я занята.

* Чем?

– Да так...

* Ну, рассказывай, рассказывай!

– Ладно, – согласилась я, подумав, что она все равно не поверит. – Лежу в психиатрической клинике на белой кровати в обнимку с одним из пациентов. Он мужчина. Ему 36 лет, и его считают буйным, но сейчас он не пристегнут ремнями и прижимает меня к своей груди.

* Ты никогда не умела врать! И, кстати, не смешно! Что на самом деле делаешь?

– Сплю!

* Ладно! Хочешь променять веселую компанию, пиво, шашлыки и озеро на сон – флаг тебе в руки. А мы поехали!

* Счастливо!

Я выключила телефон и, открыв глаза, посмотрела на Германа.

Он кивнул мне, словно спрашивал о чем-то.

– Это подруга моя – Женя. Купаться на озеро зовет.

Он снова кивнул.

– Предлагаешь поехать?

Он сделал жест, указывавший на его согласие.

– А как же ты?

Он пожал плечами и улыбнулся.

– Ладно, – я встала с кровати, – если ты настаиваешь – я поеду.

Я перезвонила Жене, сказала, что согласна и, предупре-

див Ваню, что отъеду на два-три часа, направилась домой за купальником и полотенцем.

14.00.

– В конце концов, – сказала я сама себе, выходя из машины, – он сам сказал мне сюда поехать.

Мне навстречу шла Женя с двумя парнями.

– Янк, – затараторила она, – знакомься, это Влад.

Она представила мне какого-то молодого человека. Ему было лет двадцать пять. Он имел приятную внешность, но тепло Германа всё ещё согревало мое тело.

Я улыбнулась ему. Больше ничего.

Парни шли впереди, а мы с Женькой немного отстали так, что они нас не слышали.

– Чего? Он тебе не понравился? – спросила у меня подруга.

– У меня есть человек, который мне нравится. Не надо меня ни с кем сводить. Я не собака.

– Опа, – заговорщически произнесла она, – кто он?

– Я же тебе говорила по телефону.

– Про какого-то психа? Я думала, что это шутка!

– Нет, это была не шутка.

– Да ладно тебе. Ты здесь повеселишься, а он ничего не узнает.

«Ох, поверь мне, узнает» – подумала я.

14.30.

По ветру разносился аромат шашлыков, запах дыма и воды...

Я, Женя и еще несколько девчонок, которых я знала очень давно – отдыхали, загорали, пока ребята пили пиво и жарили мясо.

Волосы были мокрые, и вода, которая выжала из меня тепло Германа до последней капли, плескалась у самых ног.

Кто-то из нашей компании включил громко музыку в машине и открыл дверцу. Раздавался смех. Ленка подошла к одному из парней, и они начали танцевать. Все это казалось ужасно глупым. Или же... я просто скучала по Герману.

– Жень, я уеду через полчаса, ладно? – обратилась я к подруге.

– Чего так рано?

– Я плохо себя чувствую.

– Ян, тут половина компании – медики. Откачаем, если что!

Мы посмеялись, и на этом наш разговор был завершен.

Потом я вместе со всеми девчонками и несколькими ребятами побежала в воду. Мы веселились по полной. Кого-то всей толпой подбрасывали над водой и отпускали, прячась от брызг.

15.17.

Мы сидели на берегу и сохли. Солнце жарко пекло. Ка-

кой-то парень, узнав о моих способностях, сунул в руки гитару. Я, сев на полотенце в окружении друзей, запела. Что именно – я не помню, но песня была о любви, расставании и тоске.

Сыграв последний аккорд, я отдала гитару, оделась, попрощалась со всеми и побежала к машине. Я очень хотела снова его увидеть, прижаться к нему...

15.42.

Я забежала в холл клиники.

– Боже мой! – послышался голос Еремеева. – Коллега, почему Вы такая мокрая.

– Под персональный дождь попала! – ответила я и зашла в палату к Герману.

За столиком у окна сидел Ваня и что-то читал.

– Ты уже вернулась? – спросил он.

– Да.

– Где была?

– На озере с друзьями.

Мой подопечный спал. Его руки были пристегнуты к кровати. Я удивленно посмотрела на санитаря.

– Ну, это ты у нас смелая, а я боюсь его иногда, – ответил мне он.

Я улыбнулась и прищурилась.

– Мне уйти? – спросил Ваня.

Я подняла одну бровь и засмеялась. Санитар взял книгу,

которую читал и вышел из палаты. Я залезла на пустую кровать, скинув ботинки.

Герман дышал ровно, улыбаясь во сне.

«Тоже что ли провалиться в дремоту?» – подумала я.

– Блин, – прошептала я вслух, – я не отстегнула его! Хотя... Так даже лучше.

Я обхватила пальцами его предплечье и прижалась щекой к его руке.

15.58.

Он сидел на камне у ручья, опершись на трость, и смотрел в воду.

– Привет, – радостно произнесла я, приблизившись к нему.

– Как отдохнула? – поинтересовался он, подняв на меня свои зелено-карие глаза.

– Неплохо. Только скучала сильно.

– По мне? – улыбнулся он.

Я не ответила. Подошла ближе.

– Знаешь, я все чаще стал осознавать, что мой мир кажется тусклым без тебя. Ты уже поняла, что оказываешься здесь только тогда, когда спишь в реальности? Когда ты бодрствуешь, а я погружен в сон, то здесь у меня тоска зеленая, поэтому мне куда лучше быть с тобой в реальности. Тороплю секунды, чтобы время прошло скорее, потому что хочу снова увидеть тебя. Жду, когда начнется ночь, я не смогу перед

тобой устоять. Мечтаю о наших свиданиях, в которых ты со мной рядом.

– Мы с тобой... сегодня... поцеловались в кабинете УЗИ...

– Ты жалеешь об этом?

– А ты?

– Ох, девочка, зачем ты уходишь от ответа?

– «Девочка»? Хотя... Да. Ты ведь считаешь меня ребенком.

– Я не педофил, – напомнил он мне, сказанное ранее.

– Ну, мы же поцеловались!

– Сбой системы...

– Герман, не лги. Скажи мне уже правду.

– Пойдем, прогуляемся.

Он подал мне руку и, зажав бережно мою, повел через лес.

– Лучик света в темном царстве... – задумчиво сказал он.

– О чем ты?

– О ком. О тебе.

– Как же мне повзрослеть в твоих глазах?

– Зачем? С детей меньше спрос.

– И меньше возможностей.

Он резко остановился, взял меня за плечи и вьелся взглядом в мои глаза.

– Зачем тебе это нужно? И что ты хочешь сделать, как только повзрослеешь в моем мире?

– Я хочу, чтобы тебе было комфортно со мной в реальности...

– А если ты всегда будешь для меня девчонкой?

– Тут уже ничего не изменишь!

– Ты меня любишь? – внезапно спросил он.

Я опешила, не ожидав такого вопроса. Он улыбнулся и отпустил мои плечи.

– Расслабься, я пошутил.

Я с трудом выдохнула, но легче не стало.

– Знаешь, – решила я обговорить все стороны наших взаимоотношений, – ты отчасти прав.

– Вот как! – усмехнулся он. – Какое снисхождение! Так в чем же я прав?

– Я не стану ничего говорить!

– Моя девочка обиделась! – заключил он.

Я хмыкнула и отвернулась от него. Мы вышли на какой-то холм. Сзади чернел лес, а спереди ниже нас раскинулась поляна, поперек которой протекала широкая река. На лугу у самой воды резвились лошади. Солнце разливалось по траве, утопив природу в своих лучах. Здесь было очень красиво. Вот каков его внутренний мир!

Он провел меня вперед. Здесь было постелено покрывало. Мы разместились на нем и продолжили беседу.

– Что тебя тревожит? – спросил он у меня, приняв горизонтальное положение, опершись на локоть.

– Не знаю. Что-то гудит в груди, но что именно... Я лишь хочу, чтобы ты начал бороться, разорвал оковы, которые душат тебя...

– Я умираю. Морально, физически... не всё ли равно? Ничто не может меня спасти... Разве только ты...

– Я, по-моему, теперь способна врезаться ногтями в землю, раздирать колени в кровь, лишь бы вытащить тебя из ада.

Он замолчал, улыбнулся и снова устремил внимательный взгляд в мои глаза.

– Я должен быть с тобой? Рядом? Я буду, ты только скажи.

– Кажется, ты говорил, что возле тебя мне может быть опасно?

– Тебе здесь хорошо? – резко сменил он тему.

– Здесь или с тобой?

– Опять уходишь от ответа.

– Нет. Я готова ответить.

– Я этого не хочу. Не хочу знать правду. Лги мне. Обманывай меня. Ври. Я этого желаю.

– Рано или поздно придется открыть глаза и увидеть истину.

– Не сейчас. Я пока не готов. Я знаю, что ты лжёшь мне, но я хочу, чтобы ты лгала и дальше.

Он замолчал и еле заметно улыбнулся. Я поравнялась с ним, облокотившись на свой локоть, и посмотрела в его глаза. Он старался их спрятать, сначала слегка прикрыв, затем вовсе отвернулся и посмотрел вдаль.

Я легла на спину и устремила взор в небо. Он обернулся и окинул меня взглядом с ног до кончиков волос, а после резким движением навис надо мной, расставив по бокам моего

тела руки.

– Боишься? – со звериным рыком шепнул он мне на ухо.

– Это же сон, поэтому нет, – безмятежно взглянув на него,

ответила я.

– А если бы я сделал так в реальности?

– Я тебе доверяю.

– Давно?

– Нужен ли тебе ответ?

Он дотронулся до моей ключицы, запустил пальцы в яремную вырезку. Я тяжело вздохнула.

– Когда ты делаешь глубокий вдох, то ямка между ключицами углубляется, – заметил он. – Вдохни и удержи дыхание.

Я последовала его указанию. Он сильнее надавил на кожу.

– Я чувствую твой пульс. Сердце бьется так близко...

– Герман, – осторожно выдохнула я, – прекрати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.